

16+

Полудняков В.И.

Телепат

Владимир Иванович Полудняков

Телепат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62780077

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03550-8

Аннотация

Прежде чем что-то сделать, мы с вами думаем об этом, а значит, телепаты узнают о наших действиях, хоть и на доли секунд, но раньше, чем мы это сделаем.

Содержание

Телепат	4
Мститель	100
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Телепат

Санкт – Петербург. Август 1996 года.

Преступный мир Петербурга в панике: все крупные акции, детально запланированные, тщательно подготовленные проваливались на самом последнем этапе – в момент реализации.

5 августа в 19 часов 34 минуты при выходе инкассаторов из торгового центра «Волна» из подъехавшего микроавтобуса выскочили трое в масках, вооруженные автоматами. В этот момент все трое были поражены выстрелами снайперов с крыши дома напротив. Двое преступников убиты, третий тяжело ранен. Водитель, попытавшийся увести машину с места происшествия, был ликвидирован выстрелами из впереди припаркованной автомашины. Инкассаторы и никто из граждан не пострадали.

7 августа в 14 часов 02 минуты в офис коммерческого банка «Феникс» ворвались двое мужчин, один с пистолетом, другой с автоматом. Они у входа в зал были убиты выстрелами из трех стволов спецназовцами, которые находились там под видом посетителей банка. Третий соучастник, блокирующий дверь с улицы захвачен прохожими сотрудниками спецслужбы. Одновременно с этим был схвачен на улице

пособник, координирующий по рации действия группы. Автомашина, ожидавшая бандитов за углом, задержана, водитель, оказавший сопротивление, ликвидирован.

10 августа в 20 часов 30 минут бизнесмен Осипов Г.А. открыл дверь в парадную своего дома. Его окликнул поджидавший парень в капюшоне, вооруженный ножом. Выстрелом из стоявшей в двадцати метрах автомашины киллер был убит. Ожидавший его мотоциклист – задержан на месте.

11 августа в 02 часов 15 минут ночи через, заранее подготовленный и замаскированный во время фасадных работ, пролом в стене двое мужчин и женщина проникли в торговый зал ювелирного магазина «Ожерелье». Находившаяся в засаде группа оперативников с приборами ночного видения уничтожила двух преступников, женщину задержала.

11 августа в Зеленогорске на дачу детского сада с целью похищения пятилетнего сына предпринимателя Гаврилова С.С. и получения крупного выкупа, под видом санитарной комиссии из Петербурга, прибыла группа из трех женщин. Во время обхода, одна из них около 14 часов в «тихий час» зашла в спальню и взяла на руки спящего ребенка. Все трое задержаны оперативниками на месте преступления. Группа прикрытия из двух мужчин в машине «Скорой помощи» нейтрализована.

13 августа в 10 часов 25 минут на проспекте Науки у дома 44 было совершено бандитское нападение на инкассаторскую автомашину, доставлявшую 20 миллионов рублей за-

рабочной платы в объединение «Резонанс». Преступники на двух автомашинах блокировали инкассаторов, но выйти из нее не успели, так как были расстреляны пулеметным огнем с патрульного вертолета.

17 августа в 7 часов утра в аэроклуб в Борске под Петербургом группа из четырех вооруженных лиц прибыла на аэродром с целью захвата двенадцатиместного самолета и последующего использования его для совершения террористического акта – аварии на АЭС. Вся группа в момент высадки из джипа уничтожена снайперами спецназа ФСБ, за исключением одного из них, получившего тяжелое, но не смертельное ранение.

Практически во всех случаях жесткого пресечения этих преступлений одного из выживших соучастников правоохранительные органы использовали для установления организаторов, а затем и заказчиков этих акций.

Во всех эпизодах для всех потенциальных потерпевших, как для физических лиц, так и для организаций, указанные происшествия были совершенно неожиданными, поэтому они не были источниками информации для спецслужб о готовившихся преступлениях.

20 августа в 16 часов в ресторане «Вкусная трапеза» собрались 12 руководителей организованных преступных группировок для выяснения причин столь массового провала, существенных потерь и выработки мер по организации дальнейшей деятельности. Охранники пытались применить

оружие против внезапно появившихся спецназовцев, но были уничтожены вместе с участниками криминального мероприятия.

Ленинград. 19 июля 1980 года.

В зале ожидания Финляндского вокзала сидел мальчик. На вид около трех лет, белобрысенький, чистенький, одет по июльской погоде – белая футболочка, голубенькие шортики, сандалики. В руках он держал бейсболочку с каким-то непонятным вензелем. Никакой игрушки, как это обычно бывает у детей в дороге, у него не было. Рядом с ним сидел и кемарил бородатый старик с рюкзаком, придерживая за ручки сумку на коленях. Мальчик сидел спокойно, не вертелся, не болтал ножками, не смотрел по сторонам. Явно собрались на дачу, а внук не хочет беспокоить дремлющего дедушку.

Прозвучало громкое объявление о посадке на электричку до Приозерска. Дедок встрепенулся, подхватил сумку на плечо и пошел на выход. Ни он, ни мальчик даже не взглянули друг на друга. Лишь через минут двадцать на сидящего в одиночестве ребенка обратили внимание две подружки – сокурсницы, ожидавшие поезд на Выборг.

– Кать, а чего-то малыш остался один, – удивилась вторая девушка. – Дед – то ушел. Значит это не его внук. Ты не видела, с кем этот мальчик пришел сюда?

– Да нет, не обратила внимания. Да сейчас родители по-

вяются, ...наверное. А ты, Наташа, тоже не видела? Мальчик – то приметный, голубоглазый, хорошенький.

– С дедом сидел рядом. Получается, что почти час он ни с кем. Что-то не так.

Наташа присела около малыша:

– А где твои родители? Ты чего тут один?

Мальчик взглянул на нее, но ничего не ответил.

– Катя, достань из моей сумки коробочку сока.

Пока ребенок пил через трубочку апельсиновый нектар, девушки встревожено обсуждали ситуацию. Кто-то потерял сына, бегают, ищет его, с ума сходит от ужаса, а он вот здесь тихо сидит, не плачет, не зовет маму. Протянулось еще десять минут.

Девушки остановили проходившую мимо работницу вокзала и попросили сделать объявление по радио о потеряшке. Та по рации связалась с диспетчером и уже через пару минут информация дежурным тоном была озвучена на весь вокзал.

Несколько любопытных пассажиров пришли в зал: кто-то пытался говорить с мальчиком, кто-то протянул ему конфету и вафлю, а какая-то девочка пяти-шести лет положила на скамейку плюшевую игрушку.

Мальчик взглянул на все это вполне осмысленно, но ни у кого ничего не взял и не издал никакого звука. В его глазах не было страха, слез, тревоги, беспокойства, но взгляд вполне живой, детский.

– Это объявление давно должны были сделать родители, –

Наташа посмотрела вокруг.

– Ну, нет же их. Странно. А он не глухонемой? Вот что, Кать. Наш поезд через полчаса. Я быстренько сбегаяю в пикет милиции. Нельзя оставлять мальчишку здесь, а то ведь кто-нибудь может и увести его.

Дежурный сержант разговаривал по телефону, когда дверь распахнулась и в комнату влетела взволнованная девушка:

– Товарищ милиционер, там нашли брошенного или забытого малыша, ... а вот и он, – увидев вошедшую подругу с малышом на руках, сказала – Примите меры!

– Товарищ лейтенант, тут чего-то случилось, я перезвоню через пару минут...

– Какие пара минут... уже час ребенок один на вокзале... ничего не говорит, может больной! – воскликнула Наташа.

– Девушка, не кричите, спокойно. Объявление давали?

– Да, конечно же, давали, – ответила Наташа потише и тут же снова возбужденно потребовала, – делайте что-нибудь, заберите мальчика или как тут у вас в таком случае надо? Вызвать скорую? Или милицию?

– Все, все! Мы и есть милиция. Сейчас разберемся.

Сержант вызвал в пикет дежурную по станции и врача.

– Товарищ лейтенант, докладывает сержант Приходько. Мальчонка у меня в пикете... нет, не похоже... таких не бросают... конечно не раз было, но тут другой случай... сам удивляюсь, одет прилично, чистый... что? ...медик не обна-

ружил никаких повреждений... на вид ему не больше трех лет... ничего не говорит, но врач считает, что со слухом у него все в порядке... а бог знает, почему не отвечает, малыш все-таки. Какие будут указания? Понял... не дадите дежурную машину? ...Есть, спасибо.

Положив трубку, Приходько сказал Наташе, дежурной и медсестре:

– Велено, сдать его в детский дом. Ну и правильно, не первый раз. Тут в двух кварталах есть такой. Директор Любовь Степановна – всегда выручала, лет двадцать работает там, опыт у нее на такие дела. Она знает, что дальше делать.

...Увидев найденыша, Назарова расцвела в улыбке, присела на корточки, протянула руки:

– Ой, кто-то к нам пришел! Маленький, иди к маме!

Любовь Степановна взяла мальчика на руки, и тот неожиданно обвил рученьками ее шею.

– Пойдем ко мне, покушаем... Верочка, – сказала нянечке, – быстренько ко мне в кабинет обед для малыша, для начала только легкий, ну ты сама знаешь.

Насколько был голоден ребенок, она поняла сразу: мальчик съел все и супчик и рисовую кашу, обтерев кусочком хлеба тарелочку, и, выпив компот, выловил все фрукты.

С болью в сердце Назарова смотрела, как он ест. Она давно поняла, что детям в детском доме хорошо не только, когда они здоровы, общительны, заняты играми, но и когда с удовольствием кушают.

Детский дом прошел через всю ее жизнь. Родилась в сороковом. Отец погиб на фронте в первый же год войны, мать умерла в блокадном городе. Трехлетнюю девочку удалось эвакуировать вместе с детским домом в Челябинск.

В сорок пятом детский дом вернулся в Ленинград. Люба воспитывалась в этом детдоме, получила в 17 лет аттестат зрелости, осталась работать в нем нянечкой, а, поступив в вечернее педучилище, стала воспитателем. Вышла замуж, через год развелась – муж оказался неисправимым алкашом. Слава богу, не успели завести детей. Больше она к замужеству не стремилась, слишком много драматических историй детей своего же детдома стали для нее наукой жизни.

Назарова стала директором в двадцать пять лет после ухода предшественницы на пенсию. У Любови Степановны был свой личный опыт – на отрицательных примерах делала выводы, что недопустимо в стенах родного для нее этого дома. И когда была ребенком и когда стала работником, видела грубость, невнимательность, лень нянечек, воспитателей, преподавателей, медсестер. Знала, что домой уносят экономленные продукты.

Мизерные заработки персонала, в том числе и ее директорский оклад, для нее никогда не было оправданием воровства. Безжалостно увольняла несунув, сутками работала, когда не хватало сотрудников. Работала на износ, ее зычный голос гремел на этажах, но дети не боялись, так как знали, что она гоняет нерадивых няней и воспитателей.

К детям же Любовь Степановна относилась с искренним материнским чувством, поскольку сама же прошла через такое ущемленное детство. И они отвечали ей тем же – тянулись к ней, ласкались, обнимали ее, громко радовались, когда она объявляла о прогулках с нею.

Назарова жалела их всех и каждого персонально. Умом понимала причины отказов родителей от своих детей, но сердцем не прощала это никому. Особую боль испытывала от брошенных малышей на улицах, которые легко могли стать и становились жертвами нелюдей или погибнуть от холода, голода, травм и болезней, о чем тоже знала не понаслышке.

Она очень настороженно относилась к усыновлению детей вообще, а ее (всех детей в детском доме она считала своими) детей особенно.

Она, в принципе, понимала, что детям будет лучше в семье, но знала и о том, что иногда детей усыновляют не ради ребенка, а для себя любимых, что не так уж и редко приводит к отказу от усыновления и возврату ребенка. И это самая жуткая трагедия, которая причиняет незаживающую психологическую травму ребенку.

Любовь Степановна, став самым молодым директором в системе воспитания и содержания сирот, проявила мудрость руководителя в создании коллектива единомышленников, причем делала это не по принципу «новая метла...», да и какая она «новая», а последовательно, поштучно меняя персонал.

Уходили пожилые кадры на пенсию, изгонялись схваченные с поличным те, кто уносил продукты, медленно, но упорно она избавлялась от нервных нянечек и воспитателей, срывающих свои личные проблемы и настроение на детях.

Замену им искала не путем объявлений или направлений к ней районным отделом народного образования, то есть РОНО – бюрократической машиной, а в педучилищах, медицинских училищах, в пед- и мед- институтах. Она находила контакты с руководителями, получала доступ к данным о выпускниках, тщательно изучала их, беседовала с преподавателями и, разумеется, с потенциальными кандидатурами.

Это была рутинная, отнимающая колоссальное время, работа. Иногда Назарова делала это на грани фола, вторгаясь в личную жизнь девушек, их персональных качеств.

Выбрав подходящую, согласную работать в ее детском доме, она на уровне оперативной деятельности углубленно собирала информацию у родственников, соседей, подруг, в каких условиях проживает, с кем дружит, какой имеет характер, каковы слабости и даже интересовалась – какие книги берет в библиотеке объект ее изучения.

Цель была одна – простая, но объемная – ей нужны бескорыстные романтики, безумно любящие детей, готовые придти не на год-два, а на постоянную, без побега, трудную, но благородную работу.

Ей нужен коллектив, в котором все друг другу доверяют, без примитивных интриг, женских капризов и закидо-

нов, выдержанных, доброжелательных и, главное, способных обеспечить достойную, спокойную, интересную жизнь детдомовцев, ущемленных житейскими обстоятельствами, лишенных родительской ласки и заботы.

За двадцать лет Назарова добилась своей цели – девяносто воспитанников от трех до восемнадцати лет и двадцать взрослых – одна семья, в надежности которой не сомневалась.

Это имело для нее особое значение: дети живут, растут в семье и воспринимают все вокруг себя как должное и естественное. И все – таки, вопросы усыновления эпизодически возникали. Директор давала согласие только в случаях ее собственной уверенности в безошибочности оценки конкретной ситуации. Несмотря на недовольство и даже жалобы некоторых будущих усыновителей, она, так же как и по своему персоналу, проводила неофициальную проверку, не доверяя формальным заключениям комиссий по делам несовершеннолетних.

И ни одного согласия она не дала на иностранное усыновление. В первый же заход Назарова поняла, что люди и фирмы, готовящие такие материалы, делают это на коммерческой основе. В той первой попытке наивная американская пара откровенно рассказала ей, сколько долларов оплатила у себя на родине и здесь в России.

Любовь Степановна была поражена алчностью людей, по существу, торгующих судьбой маленьких соотечественни-

ков.

Но даже не это вызывало у нее сопротивление, понятно, что оформление документов, работа переводчиков и прочее, неизбежно требовало не малых расходов.

А другие неофициальные оплаты – это из области доказанности, сегодня сказали, завтра откажутся от сказанного.

Главная причина в другом – ребенок покидал ставший для него родной дом, выбывал за рубеж и реального контроля его дальнейшей жизни не будет. Никакие фото и видео материалы, акты обследования, посуды и уверения ее не убеждали. Трагические случаи с усыновленными иностранцами детьми, в перестроечные времена, пусть даже один на тысячу, только усиливали ее позицию.

От исков иностранцев, пытающихся через судебные процедуры, заставить отдать ребенка, Назарова отбивалась законным способом, поскольку отечественные усыновители имеют приоритет перед иностранцами. На эти случаи у нее был проверенный резерв ждущих своей очереди приемных родителей, которым и передавался ребенок до вынесения судебного решения.

Получала она угрозы, не только о дисциплинарной и судебной ответственности, но и физического принуждения. Независимая, бескорыстная, безапелляционная директор не боялась никого и посылала всех посягателей куда подальше, интеллигентно, но категорично.

Однажды, она не пришла утром на работу и не предупре-

ждала накануне, что задержится с приходом. Домашний телефон не отвечал (сотовых в то время не было).

Ее зам Марина Борисовна недоумевала – такого еще не было: Назарова всегда выходила на связь, если что-то случилось с ней. К вечеру уже гудел весь коллектив и дети тоже.

Только на следующий день стало известно, что на директора было совершено нападение. Она в больнице с многочисленными травмами от побоев, рассказала, что вечером около парадной к ней подошли два парня и, сказав «делай что говорят, отдай мальчишку», сбили ее на землю и затем избili ногами. Похоже, цели не было убить ее, так как она должна была выполнить это требование, но потеря сознания и вышедшие на шум соседи по лестнице, возможно, спасли от смерти.

...Но этот эпизод будет потом, когда Ване будет семь лет, а сейчас... после того, как малыш покушал, Любовь Степановна посадила его на диван, села напротив него на детский стульчик, взяла его ручонки и спросила:

– Сынок, как тебя зовут?

– Ваня.

– А маму?

–

– А папу?

– Ваня.

– Ваня – это ты, а как папу звать?

– Ваня.

– Ну, хорошо, Ванечка, стало быть, ты у нас Иван Иванович. А сколько тебе лет?

Мальчик серьезным, не детским взглядом посмотрел ей в глаза, но ничего не ответил.

– Тебе, наверное, два или три года, – неуверенно, тихо сказала Назарова и показала ему сначала два, а затем три пальца. – Может на пальчиках покажешь?... Нет?... Не знаешь?... Ну и ладненько.

Она задумалась, что же делать дальше, малыш ухоженный, не уличный, явно его ищут, через день, максимум два все прояснится.

– Ну что ж, Иван Иванович, – улыбнулась Любовь Степановна...

В кабинет вошла Марина Борисовна, воспитатель, которая всегда замещает директора во время ее отсутствия:

– О-о! У нас пополнение!

– Да непонятно, что делать. Привезли Ванечку с вокзала. А мальчик-то домашний, по всему видно... родители вот-вот объявятся. Пока побудет у нас...

– Сколько же ему?

– Не больше трех, если меньше, то надо передавать в дом малютки. Вот что, Марина, я решила – брошенный он или потеряшка, не будет никто искать, значит, сиротка и тогда по обычной схеме все оформим.

– Любовь Степановна, рискованно держать без оформления...

– Это я беру на себя, в РОНО есть контакты, есть понимающие люди, прорвемся! Ты посмотри, как он внимательно слушает, похоже – все понимает...

– Это он сказал, что Ваня, а может Вася, – засомневалась Марина.

– Он, а кто же еще, не сама же я придумала. И отец у него Иван. Вот фамилию не говорит, да и мать не называет, может, не помнит.

Марина засмеялась и наклонилась к ребенку, погладила по голове.

– Шустренький паренек, смотри-ка, улыбнулся – несколько не боится незнакомой обстановки.

– Сущий ангелочек, – восхитилась Назарова, – а вот почему-то, уверена, нет у него матери. Видела бы ты как, он сразу же обнял меня... иди ко мне, мой хороший, – дрогнувшим голосом промолвила Назарова, увидев, как Ваня протянул к ней ручки.

– Видишь, – женщина прижала к себе ребенка, – он признает меня как маму.

– А отец?

– Мы с тобой всю жизнь работаем с детьми. Я же вижу, что имя Ваня он повторяет автоматически. И свое и будто бы отца, а его – то нет. Я звонила на вокзал, никто не объявился. В общем так, – твердо сказала Назарова, – он останется здесь. Медик оформит заключение, что мальчик по всем параметрам соответствует возрасту трех лет. А фамилию ему дадим

сами... найденыш – Найденков, так у нас есть Костик Найденков, чуть постарше. А... сегодня суббота... значит Субботин... Иван Иванович Субботин...

– А чего он все держит шапку, – удивилась Марина Борисовна, – Ванечка, дай шапочку.

Мальчик протянул ее Любовь Степановне.

Женщины разглядывали изображение на бейсболке и никак не могли понять, что это такое.

– А ведь по этому фирменному знаку, можно установить продавца и хоть что-то выяснить о покупателе, – сказала Назарова.

– Но что это такое? Ничего подобного не видела. То ли иероглифы, то ли схема какая-то, хотя не похоже ни на то, ни на другое... мешанина какая-то.

– Ладно, потом будем разбираться, – Любовь Степановна положила шапку в ящик шкафа. – Да и найдутся же его родители и все выяснится.

Но так никто и не объявился по поводу пропажи ребенка. Директор давала объявления в прессе, информация прошла по телевидению – результат нулевой. А про шапочку она забыла, а когда вспомнила о ней – найти не смогла.

Санкт – Петербург, июль 1995 года

Ване Субботину исполнилось восемнадцать. Он подлежал, как совершеннолетний, выходу из детского дома, но

Любовь Степановна пошла на нарушение – «выпишу только тогда, когда парень получит нормальное жилье, а не место в общежитии», жестко заявила она в органах опеки, жилищном комитете района.

Между растущим мальчиком и стареющей директрисой в течение всех пятнадцати лет отношения сложились такие, какие есть у родной матери и сына.

Было тяжело поначалу, когда ей приходилось прятать ребенка и его документы от настойчивых усыновителей. Потом стало в этом смысле полегче, поскольку подростков редко усыновляют: сложившийся характер и мировоззрение, генетическая наследственность становятся, как правило, непреодолимыми для приемных родителей препятствиями и изменить юношу или девушку по своему вкусу и пониманию воспитания уже никому не под силу.

Назарова всей душой бездетной женщины прикипела к мальчику, отвергала и решительно пресекала все слухи и сторонние предположения. Коллеги же смотрели на их отношения нормально, не только, потому, что по-человечески одобряли, но и из солидарности коллектива, который был Назаровой тщательно подобран и бережно сохранен все эти годы.

Тем не менее, Ваня не был на особом положении среди воспитанников: для него не было исключений из всех правил и традиций, требований в учебе и поведении. Учился он не лучше и не хуже других, вел себя также как и другие, не вы-

деляясь особым прилежанием, послушанием или озорством.

Замечались некоторые особенности, как у каждого ребенка, не более того эпизодическое уединение, уход в себя, изучающий, задумчивый взгляд на окружающих.

В большой шумной семье такое бывает, это естественное стремление любого иметь свое личное пространство.

У каждого человека есть индивидуальные качества, какие-то отличия, признаки, психологические нюансы. Есть у любого пристрастия, увлечения, которые он проявляет и которое видят в нем другие. Но есть также у каждого что-то такое особенное, личное и даже талантливое, о чем он и не догадывается и всю жизнь часто оставляет нереализованным. Порой интуитивно ребенок, подросток дает сигнал о своем интересном, уникальном качестве, но сам же не замечает его. Это бывает так редко и так буднично, что остается незамеченным и теми, кто мог бы развить в малыше это качество до совершенства: педагоги, психологи, родители или опекуны.

Попытки попробовать реализовать желание и умение ребенка в различных направлениях, по-существу правильны. Именно так, методом «тыка», который, к сожалению, лишь сопутствует модным установкам, определяется модой, но все-таки нередко находит применение способностей в той узкой и единственной сфере, где совпадают и желание и талант.

Но ведь случается, когда вдруг всплыло на мгновение, проявилось спонтанно, внезапно что-то замечательное у ре-

бенка, но взрослые, задавленные повседневными проблемами, удручающей занятостью, отсутствием свободного времени, не обращают внимание на это обстоятельство и непроизвольно подавляют в нем порыв, может быть удивительный и необычный, и, увы, огонек мечты угасает.

Любовь Степановна ежедневно следила за проявлением интересов Вани и его способностей: учился нормально, на четверку, но иногда, довольно-таки редко, удивлял запоминанием текстов, быстрым результатом решения математических действий.

Физически развивался по возрасту, но пару раз поразил внезапным интересом к физкультуре – двадцать раз подтянулся на турнике и тридцать отжался на полу.

Был безразличен к музыке и рисованию, но однажды, когда ему было семь лет, акварелью нарисовал две картинки: одна – «Осень» с изображением косога дождя и согнувшихся от ветра деревьев, вторая – портрет мальчика с угловатыми чертами лица и геометрическими линиями фигуры, а третью – космос, маслом.

Воспитанники много рисовали, их творчество поощрялось, устраивались в коридорах выставки, проводились конкурсы на лучший рисунок.

Но Ваня Субботин больше не проявлял художественных склонностей. На просьбу учителя рисования изобразить что-нибудь еще, отвечал, что не хочет.

Его картинку заметили профессиональные художники,

посетившие детский дом с шефствующей группой артистов и писателей. Они сказали директору, что автор этих произведений, безусловно, обладает даром художника. Одна картина поразительно точно отразила движение в природе, а вторая ярко, насыщенно, необычно написана в стиле кубизма, подражая Пикассо.

А третья, та, что маслом, ошеломляла искушенных специалистов. Сюжет прост – глубокий темно-синий, почти черный космос, десятки золотистых звездочек. Вроде бы все как обычно: смотреть изображение надо на расстоянии. Особенность в том, что под углом ничего не менялось, но одна звездочка, как бы, тускнела, затухала и если вновь смотреть на картину прямо, загоралась золотисто, вызывая изумленные оценки посетителей.

Любовь Степановне было приятно слышать это, но не могла она сказать, что ребенок ничего больше не написал и общаться на эту тему не хочет. Как это объяснить другим, если сама не может понять, почему Ваня безразлично отнесся к ее словам о таких хвалебных оценках его способностей.

В начале 90-х спонсоры подарили детскому дому три компьютера, два из них поставили в классы, а третий – в кабинет директора. Назарова была шокирована, увидев, как двенадцатилетний Ваня Субботин сходу вошел в интернет, двумя руками прошелся по клавиатуре, как музыкант-виртуоз на фортепьяно. Она иногда позволяла ему проводить свободное время в ее кабинете. Он крайне редко, по-детски, играл, да

и не были это «стрелялки», а какие-то, непонятные ей запутанные схемы и лабиринты.

В основном же юноша общался с кем-то. Скайпа тогда еще не было и Ваня вел обширную переписку. Свою почту он запаролил, поэтому Любовь Степановна не смогла удовлетворить свое любопытство – чем живет любимый Ванюша в виртуале.

Лет пять тому назад она впервые услышала о существовании детей – индиго. Не очень-то разобравшись в этом понятии, Назарова решила для себя, что этот ребенок и есть индиго.

По каким признакам это так, она не смогла сформулировать, да это было и не важно для нее, поэтому она никогда и никому не говорила об этом. У самой-то уверенности не было, а к специалистам обращаться даже и не думала.

В июне Субботин и еще пятеро выпускников получили аттестаты зрелости. Все, кроме него, подали документы на поступление в ВУЗы. Свое решение он объяснил тем, что не определился какое высшее образование его интересует, а ради корочек не хочет терять время. Осенью пойдет служить в армию, а там видно будет...

Любовь Степановна расстроилась, но вспомнив все совместные годы, проанализировав поступки своего подопечного, поняла бесполезность даже ей, а она знала, как он ее любил, силком навязывать ему свою волю.

Вновь, как это было неоднократно в случаях большого

волнения, ее лицо исказил приступ головной боли, последствия того избиения. Так и не нашли тех двоих. Осталось непонятным, о каком мальчишке они рычали в момент нападения.

Ваня виновато присел рядом, приобнял, положил руку ей на голову. Боль сразу же ушла, как всегда в подобные моменты в последние годы.

Итак, осенью призыв. Юноша уйдет на военную службу. А что дальше? Куда он вернется? Где будет жить? Эти вопросы пока не имели ответов и для деятельной натуры Любовь Степановны, не могли остановить ее в поисках решения проблемы.

Времени у нее для этого очень мало – для отсрочки призыва нет оснований, надо действовать немедленно. По закону сироты имеют право на отдельное жилье по достижении совершеннолетия и, как правило, они получают комнату в коммунальной квартире. Если ее подопечным вовремя не давали муниципальное жилье, Назарова не отпускала своих взрослых детей из детского дома.

Никакие скандалы по этому поводу, запреты и предостережения не влияли на ее позицию. Она должна знать и быть уверена, что из детского дома ее воспитанники выходят в большой мир с обеспеченным, хотя бы элементарно, фундаментом для взрослой жизни. И лишь когда становилось совсем горячо, преодолеть пассивность чиновников не удавалось, Назарова, в виде исключения, шла на компромиссы –

соглашалась на предоставление властями временного жилого помещения, но с контроля проблему не снимала и год и два, пока, наконец, парень или девушка получают ордера.

С Ваней ситуация намного сложнее. Любовь Степановна два месяца занималась только его вопросом – практически ежедневно ходила по кабинетам, находила депутатов в отпускной для избранных народа период, собирала от них обнадеживающие письма, получала отрицательные от чиновников ответы типа «пока предоставить жилье не представляется возможным, ...» но с обещанием решить при первой же возможности.

Время шло. Пройдены все инстанции, остался последний шанс – визит на прием к главе районной администрации, записалась к которому она предусмотрительно месяц тому назад: район – то огромный, по населению равен иному областному центру.

Назарова настояла, чтобы Ваня пошел с нею, несмотря на его возражения и неверие в успешный результат. Он абсолютно не переживал, успокаивал ее, говоря, что за два года все образуется. На ее возражения, что со здоровьем у нее не все в порядке и два года это большой срок, всякое может произойти, Субботин, пристально глядя в глаза, произнес:

– Мама, ты проживешь до восьмидесяти пяти...

Голубев, глава района, оказался весьма доброжелателен и даже приветлив. Принял в точно назначенное время, внимательно прочитал заявление, отказы жилищного комитета и

своего заместителя. И когда закончил ознакомление с перепиской, спросил:

– Вам предлагали комнату в общежитии и даже в коммунальной квартире, а вы отказались, почему же?

– Мальчик взрослый, у него будет семья, какие же у него перспективы? – ответила Назарова, – А сейчас он уйдет в армию и куда вернется?

Голубев взял синюю шариковую ручку:

– Хорошо, дам указание что-нибудь подобрать.

Любовь Степановна за двадцать лет общения с чиновниками знала эти штучки, когда положительную резолюцию пишут разным цветом так, что исполнители знают – срочно, не очень, не обязательно.

Конечно, она не знала, как будет в этом случае, но интуитивно испугалась:

– А сколько ждать – то?

И тут молчавший до сих пор Ваня, посмотрев Голубеву в глаза, промолвил:

– Надо спросить.

Ручка зависла над бумагой.

– Надо спросить, – повторил Ваня, не отводя взгляда в сторону.

Опытный аппаратчик, многолетний руководитель, умеющий, владеть собой в любой ситуации, скрывать свои чувства и не проявлять симпатий – антипатий, вдруг проявил в лице гамму эмоций. Он сморщился, прищурился, слегка мотнул

головой, словно страхивая что-то, глубоко вздохнул и снова стал непроницаем.

Глава администрации положил ручку на стол, нажал кнопку селекторной связи «жилищный комитет».

– Слушаю, Андрей Сергеевич, – раздался женский голос по громкой связи.

Любовь Степановна изумленно смотрела на Ваню, а тот, не мигая, смотрел в лицо руководителя.

Голубев изменился, с лица спала полуулыбка, появилась заметная напряженность.

– Антонина Павловна, а где Юрий Петрович?

– Так в отпуске он, третий день...

– Ах да, закрутился я, забыл... вот что... когда очередная жилищная комиссия?

– Теперь уж в сентябре, все в отпусках.

Глава хотел что-то сказать, но натолкнувшись на тот же взгляд Субботина, повысив голос, твердо распорядился:

– Через неделю, не позже, собрать жилкомиссию. Сейчас вам принесут материалы. Субботину, он сирота из детского дома, изыскать положенное жилье.

– И...?

– А что есть в резерве?

– Общежитие, коммуналка...

– Однокомнатную!

– Андрей Сергеевич, все распределено...

– Да знаю, – с досадой перебил Голубев, – разумеется не

из распределенных, найдите, я сказал, из резерва. Если и там нет, срочно проверьте по сигналам жилконтор о пустующих квартирах...

На попытку возразить, он резко заметил:

– А гастарбайтеры в каких квартирах обретаются... без регистрации... жилье брошенное, без хозяина...

– А кому нужна такая, на первом этаже?

Голубев посмотрел на Субботина – тот кивнул в знак согласия.

– Ладно, пойдет... неделю на комиссию и еще неделя на оформление решения и ордера... все!

Он взял ручку другого цвета и размашисто написал «Срочно подобрать однокомнатную квартиру».

Когда Назарова и Субботин вышли на улицу, она прошептала:

– Ванечка, это ты... так заставил... как у тебя это получилось?

Ваня пожал плечами и ничего не ответил, а когда вернулись в детский дом, он, будто вспомнив, сказал:

– Мама Люба, восемьдесят пять – это минимум, тебе еще только сорок, не беспокойся, все будет хорошо.

Август пролетел, как одна неделя, слишком много было хлопот: получив ордер и ключи, за неделю сделали своими руками простейший ремонт – побелку, оклейку обоев. Затем купили портативный телевизор, радиоприемник, электрочайник.

В середине сентября курьер военкомата вручил Субботину повестку о явке по призыву 22 сентября. Оставшиеся дни в сумасшедшем темпе и с напором Назаровой удалось прописать Ваню, оформить генеральную доверенность на Любовь Степановну, заключить договор с агентством о сдаче квартиры в аренду с октября.

Назарова и Ваня решили сдавать жилье под ее контролем, а полученный доход аккумулировать на его счету, что бы через два года у него был какой-либо капитал для новой жизни.

Накануне явки на сборный пункт Ваня, уставший до предела, но с хорошим настроением от завершения всех проблем, лег на диван и мгновенно отключился.

Видел он себя во сне: лежит на диване, а в комнате что-то происходит. Какие-то слабого свечения волны пронизывают помещение, меняя цвет – бледно-голубой, розовый, зеленоватый. Два полупрозрачных сиреневых силуэта перемещаются, то приближаются к нему, то останавливаются в метре от него, отплывают и вновь застывают рядом. Ему казалось, что эти призрачные существа касаются его головы, вызывая ощущения легкого покалывания в висках. Вдруг волны исчезли, сиреневые ореолы растаяли.

Санкт – Петербург, 22 сентября 1995 года. Иван Иванович.

Ваня проснулся с тяжелой головой. Посмотрел на будиль-

ник – спал всего пять часов. Прошел в ванную, включил свет, повернул кран в умывальнике и взглянул в зеркало.

На него изумленно смотрел, чем-то знакомый, но совершенно неизвестный дядька лет пятидесяти, с коротким седоватым бобриком, держащий в руке зубную щетку. Ваня качнул головой, сделал движение щеткой и понял, что в зеркале отражается он сам – Ваня Субботин. Он же все понимает, чувствует, видит. Вот только никак не может понять, что произошло с ним, как это за одну ночь постарел лет на тридцать.

Он ли это, пронеслось в голове, оглянулся – никого нет. Раз это я, подумал Ваня, и никого рядом нет, тогда кто же повторяет его движения в зеркале? Он не заметил, что этот вопрос был им произнесен вслух, тихо, почти шепотом. Так же тихо прозвучал в голове ответ: я, это я. Ошарашенный, Ваня завернул кран и осмотрелся, что еще изменилось. Предчувствие не обмануло – квартира почти та же, но не совсем.

В комнате похожие, но с другим рисунком обои. Диван такой же, но более широкий. На столе радиоприемника нет, телевизор небольшой, но зато стационарный. Автоматически включил питание – второй, местный канал. На экране четыре часа утра.

Заметил приемник на тумбочке, которой у него раньше не было. На волне «Маяка» звучит бодрая информация для водителей-дальнобойщиков, что сегодня 22 сентября погода в области благоприятная.

– Получается, что время не изменилось. Может только я изменился и сошел с ума, – ужаснулся Ваня. – Может это все еще снится.

Он рухнул на диван, больно стукнувшись головой о спинку. Нет, диван другой, осознал он, значит не сон это, боль-то натуральная. Субботин прижал руку к голове и вдруг ощутил, как тяжесть, с которой проснулся, ушла. Попробовал заснуть, закрыл глаза, но мысли крутились калейдоскопом: что это такое?... это какая-то болезнь!... так не бывает... а как же мама Люба... мне же идти в армию...

Ваня вскочил, бросился к столу – повестки не было. А ведь вчера он положил ее сюда. Впрочем, стол тоже не совсем такой, как вчера – пошире, а два стула, кажется, те же.

Подошел к окну. Рассветало. Еще один шокирующий момент – вчера жил на первом этаже, а сегодня на третьем, окна выходили во двор, а теперь на улицу.

Отпрянув от окна, Ваня рухнул на стул. Около телевизора наткнулся на ключи с брелком и какие-то бумажки. Прочитав их, обомлел – это были водительские документы на его имя, а ключи, стало быть, на машину, но он точно знал, что на права не сдавал и машину не водил. Может быть в армии научился... Какая армия за один день?... А как же тридцать лет за одну ночь?...

От этих мыслей Субботин снова почувствовал как запульсировало, застучало в висках. Он медленно подошел к окну, надеясь, что наваждение пройдет, открыл его – прохлада сте-

ганула по разгоряченному, в майке и трусах, телу – осенний ветерок вернул его в реальность. Ничего не изменилось: улица, деревья, как раньше было во дворе, теперь нет, у поребрика тротуара припарковано, посчитал, восемь автомашин. Жигули, москвичи, одна двадцать первая волга, один запорожец.

Ваня взял ключи, направил на машины и нажал кнопку сигнализации. Жигули «шестерка», темная, когда станет светло, увидит, что она синяя, весело мигнула два раза подфарниками. Снова нажал – разок мигнула, тонко пискнула – встала на охрану.

Напряжение внезапно прошло, наступила слабость во всем теле. Побрел к дивану, прилег и... уснул. Не слышал, как звякнул будильник, так как ночью, привычно нажал на кнопку звонка, поэтому вместо восьми встал в одиннадцать.

Обреченно осмотрел комнату, руки, ноги, провел ладонями по «бобрику».

– Все! Не Ваня я теперь, а Иван Иванович! – подумал Субботин, смирившись с таким ужасным превращением.

И только сейчас заметил в углу на маленьком столике экран компьютера...

...А в это время Назарова, как договаривались накануне, звонила в квартиру Вани. Надо было помочь ему собраться, подсказать, посоветовать, ничего не забыть, приготовить на завтрак его любимый омлет.

Мальчишка все-таки, может целый день не есть, сидеть за

компьютером в детском доме. Но теперь-то его у него нет, а впереди военная служба, четкий распорядок, так что все наладится и с питанием тоже.

На звонок Ваня дверь не открывает. Неужели так крепко спит, удивилась Любовь Степановна, доставая ключи от квартиры.

Дома никого нет. Беспорядка нет, аккуратность детдомовцев известна. Правда, постель, как будто только что с нее встали. Никаких следов сборов.

Первая волна головной боли заставила женщину опуститься на стул. Что-то не так: рюкзачок на месте, курточка висит, кроссовки в прихожей, а самого-то нет. В ванной она уже смотрела – сухо. Не мог же парень уйти раздетый, на улице всего-то тринадцать градусов. Боль усилилась, трясущимися руками Любовь Степановна достала пенталгин, но не взяла в рот таблетку, пораженная мыслью – Ваня, ее Ванюша пропал!

Она сидела и полчаса ждала, не зная чего делать. Телефона в квартире не было.

Может он выскочил зачем-то, но не босиком же... или в тапочках... так нет же, вот они – около дивана...

Проглотив таблетку, не запивая, подождав, пока боль не затихла, Назарова стремительно вышла из квартиры. Жильцы соседних квартир и выше этажом ничего не видели и не слышали. С таксофона позвонила в милицию, скорую помощь – никакой информации с этого адреса не поступало,

были какие-то задержанные, жертвы несчастных случаев, но никого похожего на Ваню среди них не было.

Зная парня больше чем кто-либо, его искреннее желание пройти военную службу, Назарова сразу же отбросила подленькую мысль, что Ваня таким путем сачканул от службы.

Чем же объяснить его исчезновение, похоже, добровольное, следов-то насилия никаких. Или все же его похитили, обманув, отравив, парализовав... Дикие, чудовищные предположения разрывали Любовь Степановну. Ожидать новостей и помощи неизвестно от кого и откуда не было сил, и она бросилась на его поиски.

В военкомате дежурный капитан связался с отделом призывников – там никаких сведений о Субботине не оказалось, кроме тех, что и так были известны Назаровой – сегодня он должен явиться на сборный пункт в Пушкин.

В Пушкине Любовь Степановна растерялась, увидев толпу людей: молодых парней с сумками и рюкзаками, матерей, провожающих своих сыновей на два года. Над людской массой стоял гул: смесь звуков весело возбужденных мальчишек, сдержанно тревожных напутствий родителей и прощальных обнадеживающих признаний подружек.

В этом круговороте и какофонии казалось ничего нельзя понять и узнать, но вскоре Назарова разобралась, что группы сконцентрировались около военных и по районам. Подойдя к прапорщику с табличкой «центральный район» спросила:
– Субботин Иван здесь?

Пробежав по алфавитному списку, ответил:

– Здесь он, мамаша, в списке.

– Но я его не вижу.

– А чего же не вместе пришли? Тут по списку двести десять ребят, да почти столько же провожающих... Ладно, сейчас покличем...

Прапорщик, с трудом перекрывая шум, крикнул в мегафон:

– Субботин, подойдите сюда! Субботин Иван Иванович!

Оглядев толпу, никак не отреагировавшую на его обращение, сказал:

– Нет его, такое бывает, один-два призывника не являются... последняя ночь с девчонкой... последний мальчишник на дорожку с перебором... появится, никуда не денется, не волнуйтесь.

И затем примитивно, по-солдатски, пошутил:

– Может вместо него на службу, у нас теперь военных женщин много. А вы, мамаша, в самом соку..., – и осекся, увидев в ее глазах тревогу.

Назарова махнула рукой:

– Да нет у него девочки и друзей близких нет.

Она вернулась в квартиру Вани. Потом пришла на работу, надеясь, что он приходил к ней или звонил. Весь день она из кабинета звонила в милицию районную и городскую, в справочную «скорой помощи», в больницы Центрального района. Безрезультатно.

...Иван Иванович постепенно пришел в себя и размышлял: что делать?

Он был уверен, что мама Люба ищет его, что вот он здесь, а там его нет. А может быть он и там. Тогда он не дома, а в армии.

Субботин решил, что увидеть маму и даже позвонить ей не сможет, иначе как объяснить произошедшее. У нее и так проблемы со здоровьем после того зверского избиения, а тут еще, черт знает, что может случиться.

Он не сразу заметил, что на экране компьютера мерцает зеленая точка. Но компьютера, как такого не было: нет процессора, клавиатуры, динамиков. Ничего нет, даже проводов никаких, питание отсутствует. Розетки тоже нет. И не монитор это, а просто экран, причем черный...

Внезапно на экране появился текст: «Надень шапку».

– Какую, – дрожащим голосом спросил он, смахнув со лба мгновенно выступившие от волнения капли пота.

– «Лежит за экраном».

Это оказалась бейсболка с каким-то рисунком над козырьком.

Субботин надел ее и растерянно, сбиваясь, хрипло спросил:

– Что происходит?... Кто объяснит мне?... Зачем все это?

...

– «Контакт подтвержден».

– Какой контакт?... С кем?... Мне что, теперь все время

носить эту шапку?

– «Не обязательно».

Зеленая точка погасла. Субботин тупо смотрел на экран, ничего не понимая.

Снял, снова надел бейсболку, опять снял – никакой реакции на экране.

Иван Иванович вышел из дома. В телефонной будке около парадной набрал детсадовский номер. Длинные гудки директорского телефона остановили его порыв.

Что он мог сказать Любовь Степановне? Как она воспримет его фантастические объяснения? Не убьет ли он ее своим превращением из юноши в матерого мужика?

Надо проверить ту, его первую квартиру, решил Субботин, садясь за руль.

Выжав сцепление и включив первую передачу, он был ошеломлен – ведь никогда не управлял автомобилем, не учился и не сдавал на водительские права. Получается, что тридцать лет пролетели не просто так. Вот он уверенно едет на своей «шестерке», а что еще умеет. Какие, к черту, тридцать лет, если день и год все те же – 22 сентября 1995 года.

Квартира заперта. Пошарив в карманах, Субботин кроме ключей от нынешней квартиры, других не обнаружил. Да и зачем ему возвращаться туда, где его нет, тоскливо подумал он, нажимая кнопку звонка. Нет, дома никого. А как должно быть, если вот он здесь, на площадке, а не там за дверью.

Поеду в детский дом, решил Субботин. Он совершенно

запутался в ситуации, не знал, что ему делать: он не работает, по крайней мере, ему об этом ничего неизвестно, не имеет денег, впрочем, что-то есть. Посчитал – без полтинника тысяча. Откуда деньги, уже не задумывался, понял, что это – данность, которая ему недоступна.

Что-то тянуло его в детский дом, безудержно хотелось, хоть на расстоянии, увидеть маму Любу, убедиться, что с ней все в порядке, хотя быть может наоборот, но тогда нужна будет его помощь. Какая, каким образом – об этом Иван Иванович не задумывался.

Он ехал по набережной Робеспьера по крайней полосе для поворота направо на Литейный мост. Беспорядочность мыслей отвлекала, но автоматически Субботин следил за скоростью, отметил, что, несмотря на пятницу, днем движение оказалось не плотным.

И все же неожиданно, метров за пятьдесят, увидел гаишника, смотревшего в трубу и махнувшего ему жезлом.

Лейтенант неторопливо подошел к вышедшему из машины Субботину:

– Лейтенант Комаров, – представился он, – ваши документы.

Изучив водительские права, технический паспорт, сверив фото с оригиналом, спросил:

– Покажите ОСАГО.

– А что это?

– Уважаемый, вы с таким стажем и задаете такой вопрос.

Шутите что ли? Или не оформляли ОСАГО.

– Минуточку, – Иван Иванович достал из «бардачка» бумага, – это?

– Это, это, – гаишник раздраженно разглядывал страховой полис, – документы в порядке.

– Ну, тогда я поехал.

– Покажите, где у вас стоит анти-радар.

– Анти... что?

– Иван Иванович, вы что, первый раз слышите? Или как про ОСАГО забыли?

– Товарищ лейтенант... может чего-то не понял... не уверен я про анти... радар.

– Ну вы даете, – удивился гаишник и подозрительно взглянул на Ивана Ивановича. – Как можно это не знать водителю. Смотрите.

Лейтенант показал экран прибора.

– Видите, – направил трубу на встречный автомобиль, – скорость 65 километров.

А теперь на ваш жигуль. Сплошные помехи.

– Так моя шестерка стоит.

– Это не имеет значения, помех не должно быть, а ваш анти-радар их излучает.

– Нет у меня ничего такого.

– Сейчас посмотрим.

Гаишник осмотрел салон, руками залез под панель приборов, ощупал все внутри, поднял капот, отошел на десять

метров.

– Товарищ капитан, – Комаров по радиии доложил дежурному. – Михаил Александрович, задержал у Литейного моста «шестерку». Явно с анти-радаром, но излучатель не обнаружил. Что делать?

– Какое нарушение у водителя?

– Ничего такого... скорость... рядность... вот только странный мужик. В правах указано, что водительский стаж более двадцати лет, а не знает про ОСАГО и про анти-радар. То ли придушивается, то ли не от мира сего...

– Ладно, составь, на всякий случай, протокол о незаконном оборудовании... а там решим...

– Так не нашел я этого оборудования...

– А чего тогда меня спрашиваешь? – раздраженно спросил начальник.

– Понял, товарищ капитан... – и махнул Субботину, – пройдем в патрульную машину.

По пути, гаишник наводил радар на идущие сзади автомашины. Он вдруг остановился – машина Ивана Ивановича никаких помех на экране не создавала. Не веря своим глазам, лейтенант водил трубу слева направо и наоборот – все точно – работает четко.

Лейтенант непроизвольно повернулся к Субботину, хотел что-то сказать, но бросив взгляд на экран, был поражен увиденным – волнообразные яркие полосы вместо изображения. Поперхнувшись от возмущения, он закричал:

– Так это ты... вы... издеваетесь! – Но под удивленным взглядом водителя снизил тон. – Сейчас оформим... предъявите устройство.

Иван Иванович развел руками, затем похлопал по карманам, нет, мол, ничего у меня...

Субботин поехал обратно. Лейтенант не стал писать протокол, так как не смог доказать, а значит и указать в нем, что же нарушил этот странный водитель. Не мог же он изложить «...лично обладает антирадарными свойствами...». Да его самого отправят на освидетельствование к психиатру. Поэтому гаишник не стал сообщать об этом невероятном эпизоде и отпустил Субботина.

Иван Иванович тоже был ошарашен происшедшим и, решив, что не сможет в таком состоянии пообщаться с Любовью Степановной, вернулся домой. Туда, в квартиру, в которой сегодня проснулся.

Взволнованный, трясущимися руками открыл дверь, влетел в комнату и застыл в недоумении – экрана не было. Он исчез. Осмотрев всю квартиру, так и не обнаружив этот загадочный предмет, Иван Иванович, совершенно опустошенный, безвольно сел на диван.

Что с ним, как быть дальше, у кого просить помощи, что можно сделать, чтобы вернуть себя себе и свою жизнь – тревожные мысли проносились в голове, подавляли его.

Вдруг услышал внутренний голос.

«Успокойся, все так и должно быть, все нормально».

– Мне же надо что-то делать. Ни работы, ни денег, хотя немного есть, на еду, на бензин. А как жить со всем этим. Кто я, что я?

«Не дергайся, Иван Иванович. Субботин – правильный, разумный человек. У тебя такие возможности и скоро ты их реализуешь. Еда в холодильнике. Бак заправлен полностью. Все».

– Подождите! – Закричал Иван Иванович. – Как общаться, если нет экрана?

«Не кричи и вообще не надо издавать звуки, достаточно просто думать, мыслить, говорить молча. Экран появится там и тогда, где и когда надо будет».

И он успокоился – не от бессилия повлиять на происходящее, а от появившегося внезапно чувства какой-то защищенности. Ведь ничего плохого с ним не случилось, за исключением тридцатилетнего провала во времени, в жизни. Разумеется, это самое главное, но, подумал Иван Иванович, ему жить с этим, а значит дергаться, как ему советуют или приказывают, действительно не стоит.

Кто-то ведет его, у кого-то есть какая-то цель. Значит, ему определена в этом какая-то роль.

«Правильно размышляешь. Ничего плохого с тобой не произойдет».

– И на том спасибо.

«Не иронизируй. Покушай. Энергия тебе пригодится. Сегодня много дел».

Он поел с аппетитом – оказалось все вкусно и то, что он любил: сибирские пельмени с приправой и в сметане, овощной острый салат из редьки, редиски, заправленным уксусом и пахучим подсолнечным маслом, клюквенный морс.

– Я готов, – мысленно сказал Субботин.

«Тебе нужны деньги, лично тебе много не надо, но ты хочешь помочь тем, кто в них нуждается. Деньги надо заработать. Сейчас поезжай в садоводство «Восход», который недалеко от летней базы детского дома и там на месте сообразишь – что надо делать».

Правление садоводства размещалось в стандартном домике в двух смежных восьмиметровых комнатах. В одной спал сторож, в другой две женщины – председатель и бухгалтер перебирали документы.

Иван Иванович знал это садоводство, поскольку через его территорию детей раз в неделю водили к Финскому заливу.

«Восходу» более пятнадцати лет, его создало военное ведомство для отставников – офицеров. Власти Ленинграда и области поддержали эту инициативу и выделили землю на Карельском перешейке в семидесяти километрах от города по Приморскому шоссе. Члены садоводства не богаты и строились по средствам – все практически в одноэтажном варианте шесть на шесть на семи сотках. Текущие взносы и необходимые расходы тоже весьма скромные.

Но место расположения: природа, сосновый лес, близость залива, регулярные автобусы, электричка, хорошая дорога –

все это привлекало спрос. Деревья и столбы пестрели объявлениями «куплю участок».

Однако состав землевладельцев менялся редко. Это было заметно по тем отличающимся домам и коттеджам, соответствующим достоинствам новых собственников, появляющихся на сотках ушедших садоводов. А некоторым удавалось прикупить соседнюю землю и развернуть строительство в современном духе.

Сухощавая, лет пятидесяти, Марина Алексеевна Дубцова, озабоченная повседневными жалобами на перебои с электричеством и водоснабжением, отчужденно посмотрела на Субботина:

– Что-то я вас не знаю. С какого участка? По какому вопросу?

– С предложением наладить дорожки внутри садоводства. Это была самая больная проблема, грунтовые дороги размывало после каждого сильного дождя. Засыпка ямок помогала на короткое время, так как впадины появлялись в других местах, а галька выбивалась автомашинами.

Обустроить дорожки другим способом, радикально не возможно – скудных средств не хватало, а существенно увеличить взносы не позволяло общее собрание.

Председатель повернулась к бухгалтеру:

– Ты посмотри, Вероника, какой благодетель нарисовался. За деньги можно наладить все, что угодно. Только вот их-то у нас и нет.

Темноволосая, скуластенькая, моложавая бухгалтерша пожала плечами, не отрываясь от бумаг, устало произнесла:

– А сколько он просит... от какого предприятия...

– Вы платили за ремонт дороги из расчета сто рублей за один метр...

Бухгалтер обернулась и, прищурившись, подозрительно посмотрела на этого мужика, невесть откуда появившегося и с какой целью:

– Откуда знаете? Вы кто – ревизор?

– Знаю, не-а, не ревизор... Вам дороги только латали, а я за ту же плату положу новое покрытие...

– Допустим, – перебила его председатель. – Но для этого нужна база, техника, материалы. От какой вы организации? Мы заявок не давали.

Субботин понял, что его предложение, все-таки, их заинтересовало, но просто на слова верить не станут. Оставив вопрос без ответа, сказал:

– Предлагаю на пробу одну из пятнадцати боковых линий сделать...

Вероника зло засмеялась:

– Марина Алексеевна, он все про нас знает, дуй отсюда со своими «сто рублей, пятнадцать боковых», – передразнила бухгалтер, и крикнула охраннику:

– Петрович, иди сюда! Тут закидоны по твоей части.

– погоди, погоди. На психа мужчина не похож.

Дубцова оценивающе оглядела Ивана Ивановича, остано-

вила рукой сонного Петровича в дверях и деловито предложила:

– А что, может у него есть команда, пусть попробует. Только возьмем гарантию, а то испортит дорожку. Документы есть?

– Водительские права.

Председатель внимательно изучила водительское удостоверение:

– Субботин Иван Иванович, а паспорт...

– Воздержусь, мне тоже нужны гарантии, а то не вернете документы, что я буду делать... у вас хоть Петрович есть...

– Ладно, но тогда ключи от машины на стол... Согласны.

Иван Иванович положил ключи и спросил:

– Какую линию хотите попробовать, какое покрытие – асфальт, гранитную крошку, бетон?

– Бетонную, только не плитами, а сплошную... а линию – четвертую, я на ней живу, я буду и принимать. Когда будет готова? Недели хватит?

– Сегодня, к семи утра...

Может начать с главной дороги, подумала Дубцова, но тут же отказалась от этой мысли, во-первых, не поверила во всю эту чушь, а во-вторых, если главную сделать гладкой, то водители будут нарушать ограничение скорости 20 км/час, а это опасно.

– Вы правильно решили начать с боковой линии, а не с главной, хотя она раздолбана основательно... понимаю ваши

сомнения.

У председательши от удивления округлились глаза, затем взгляд ее стал пронзительным: не похож на жулика, а ведь сядет в свой жигуль и митькой звали, а мы – дуры, о чем-то договариваемся, сомневалась она, прокручивая в голове последствия, да уж нас все засмеют...

– Дайте, мне, пожалуйста, ключ от дверцы, а от зажигания оставьте у себя...

Куда я денусь без машины... все на полном серьезе... примите работу, готовьте к утру аванс... я пошел, посплю в машине.

Субботин прилег на заднем сидении. Напряжение этого нервного дня сказалось – отключился сразу же.

Проснулся около двух часов ночи, будто к нему кто-то прикоснулся.

Кругом тишина – ни души, темнота – фонари отключены для экономии. Иван Иванович побрел по главной дороге, фонариком нашел табличку «4-линия» и пошел в самый конец двухсотметровой дорожки.

Встал на старт, поднял руки на ширину плеч и сделал первый шагок. От ладоней дорогу осветили два тонких, искрящихся голубых луча, а за спиной начал клубиться трехметровый в ширину и высотой четверть метра дымчатый слой.

Пройдя, очень медленно, пять метров, Иван Иванович оглянулся и обомлел – за ним появилось бетонное полотно во всю ширину, от канавки до канавки, линии.

Утром в домике правления было тесно: пришли садоводы с четвертой и соседних линий. Все возбужденно обсуждали это чудо – за одну ночь корявая, с промоинами, бугорками дорожка превратилась в ровную, гладкую и прочную.

Все хотели такого же, но всех интересовало, кто это сделал, за чей счет,

сколько предстоит заплатить.

Дубцова и бухгалтер немедленно собрали правление. Надо было решить, если согласны, то как оплатить всю работу. Посчитали – с каждого садовода потребуется две тысячи. Несмотря на явную выгоду по расходам, единства не получилось, а уж о собрании и говорить нечего.

Марина Алексеевна решила не упускать такую заманчивую ситуацию. Она встретилась с Минченко Юрием Сергеевичем, пожалуй, с самым состоятельным садоводом. Имеющий в «Восходе» три участка, он ожидаемо для нее согласился дать займы без процентов сто тысяч, но потребовал расписку с обременением: в случае невозврата, покупает реально свободный участок за эту сумму. Сделка состоялась, так как была взаимовыгодна и для него и для садоводства.

Все сошлось – Субботин покрыл бетоном пятнадцать линий, это больше, чем договаривались, Минченко получил участок, все неизбежные проверки нейтрализованы его частным инвестированием и решением общего собрания о продаже ему земельного участка. Конечно, нарушение было

установлено, все-таки участок стоил значительно дороже, но садоводство сэкономило еще больше.

Впрочем, из-за этой истории Дубцовой пришлось сложить с себя полномочия председателя, но была единодушно оставлена в правлении.

Разумеется, слухи быстро облетели регион. Каждый день приезжали из других садоводств, кооперативов и даже государственных дачных хозяйств. И уж, конечно не обошлось без частников, имеющих серьезные средства и жаждущие облагородить свои огромные фазенды качественно и побыстрому.

Всех страждущих ждала неудача: некто Субботин Иван Иванович исчез бесследно. Автомшины с его номерами в базе ГАИ нет, просто гаишник у Литейного моста это не проверил: выбитый вдрызг из себя «антирадарным» водителем, лейтенант забыл сделать элементарную, примитивную вещь – «пробить» нарушителя.

В городе и области, как оказалось, Субботин не зарегистрирован. Несколько полных тезок к нему не имеют никакого отношения. Так и остались красивые бетонные дорожки памятью на многие годы об этом необъяснимом, обрастающим легендами событии в рядовом садоводстве.

Иван Иванович из таксофона у Финляндского вокзала позвонил Назаровой:

– Любовь Степановна, – голос его дрожал от волнения, но он продолжил. – Вам поступят деньги, сто тысяч рублей...

– Какие деньги, кто звонит, – как хорошо он знал эти металлические оттенки в ее голосе, когда она с порога, с первых слов ставила на место наглецов и шулеров. – Вы ошиблись номером!

– Нет, нет, не кладите трубку... это спонсорские для детского дома, купите два компьютера, а оставшиеся на лекарства, питание и замену устаревшей мебели...

Обнадежило, что Назарова слушала, не перебивая, но он не ошибся, зная, что таким образом она добывает дополнительную информацию, а потом положит трубку и обратится в милицию для установления номера звонящего телефона.

– Сюда не звоните, мы ни в чем не нуждаемся... но знайте, что об этом разговоре будут знать, кому следует...

– Любовь Степановна, деньги принесут вам через пять минут, так что не надо никуда обращаться... вы же понимаете, что это бессмысленно. Деньги заактируйте, как благотворительность от анонимного спонсора, ну вы знаете, как это бывает. И еще, если деньги передадите в РОНО или куда еще, то они никуда не дойдут. До свидания.

Субботин положил трубку, через полминуты набрал тот же номер и засмеялся короткие гудки – это то, в чем он не сомневался в своей маме Любе.

Действительно, через пять минут дверь ее кабинета открылась, мальчишка лет тринадцать положил на стол директора пухлый конверт и убежал.

Назарова растерялась от такой стремительности, уж слыш-

ком все быстро произошло. Посмотрела – точно, сто тысяч, пачка из сотенных. Никогда не брала взяток, хотя намеки от некоторых усыновителей были. Она понимала, что это не взятка, но все равно испугалась.

Инспектор РОНО Галина Аркадьевна успокоила ее просто и безапелляционно:

– Как положено, внебюджетные средства сдай в РОНО, распределим по детсадам.

Чего тут советовать, сама знаешь – держись от таких подарков подальше.

– А если...

– Никаких если, жду через час.

Назарова, ожидая троллейбуса, проверила сумку – конверт на месте, но... пустой.

Вернулась в кабинет – конверт с той же пачкой. Да что же такое, жалобно подумала она, неужели крыша поехала, мистика какая-то. Вышла на улицу – все повторилось.

Выброшу эти проклятые деньги, решила она, нет, сожгу их... но затем, смирившись с фактурой, выслушав язвительные советы инспектора проверить психику, позвала завхоза и медсестру.

Составили акт, прикинули расходы на компьютеры, медикаменты, на замену стеллажей в медпункте, шкафов в кабинетах и кое-что по хозяйству.

Иван Иванович, придя домой, обнаружил экран на том же месте. Проверил – никаких посторонних следов в квартире.

На этот раз он, не спеша, осмотрел экран. Легкий, тонкий, полупрозрачный на свет, ничего внутри миллиметрового, не из стекла, материала нет. Он застыл в недоумении перед черным экраном, ожидая хоть каких-нибудь сигналов. И его услышали – на экране появилась картинка.

Два парня пили водку в гараже и делили доллары:

– Ну, что, Михай, по две с полтиной, как и обещали, – довольно сказал длинноволосый, разделив валюту на две части, – не плохо, а?

Выпили по полстакану, захрустели огурцами, зачавкали колбасой.

– Всегда бы так, – закурив, ответил Михай, – жить можно. Делов-то бабу припугнуть. А ты, Сашок, говорил – замочить надо... Заказ отработан... Еще бы такой работы на иномарку бы собрали.

– На старую и этих хватит...

– Посмотрим, если будет выступать, то, – криво ухмыльнулся Михай, – заказы будут. Переборщили, правда, ну да оклемается, будет как шелковая. Не таких ломали.

Экран погас.

– Бандиты какие-то? – спросил Субботин. – Мне-то зачем показали.

«Привыкай говорить с нами мысленно»

– Хорошо. – Ответил молча Иван Иванович.

«Это не бандиты, а шпана, по-вашему, готовая на все и без всякой подготовки. Поэтому их трудно вовремя остано-

вить».

– Что значит «по-нашему»? А у вас по-другому называется?

«Лишние вопросы. Эта история десятилетней давности. Изувечили директора детского дома за то, что не давала мальчика в одну семью с криминальным прошлым».

От вспышки чудовищной мысли застучало в висках, боль пронзила затылок.

Иван Иванович мысленно ахнул:

– Это же они убивали маму Любу!

«Да».

– А мальчик – это я!

«Нет, другой, но это не имеет значения. Тебя она всегда надежно укрывала от сторонних глаз».

– Этих... бандитов тогда так и не нашли, а мама Люба страдает до сих пор...

«Их и не могли найти, так как на земле их не стало».

– Понятно... трупы... в землю...

«В земле их также нет».

– Там?– показал Субботин пальцем вверх.

«Не ломай себе голову».

– А те, которые наняли, ну, заказчиков?

«С ними, то же самое».

Санкт – Петербург. Июль-сентябрь 1996 года.

26 июля в 17 часов 55 минут в дежурную часть Василеостровского РУВД поступил факс из ГУВД «Сегодня в 16 часов по телефону 02 позвонил неустановленный мужчина с таксофона у станции метро «Петроградская» и сообщил о возможном разбойном нападении на салон ювелирной выставки в ЭКСПО в гавани Васильевского острова. Проверьте эту информацию. Начальник дежурной части подполковник Серов О.Г.».

Капитан Северин дважды, не веря своим глазам, прочитал факс – оперативники, следователь, эксперт уже час как работают на месте этого преступления.

Дерзость, стремительность нападения были из ряда вон выходящие: трое в масках, вооруженные автоматом и пистолетами, ворвались в салон, положили всех посетителей и персонал салона на пол, застрелили появившегося охранника, пытавшегося оказать сопротивление, ранили сотрудницу, нажавшую тревожную кнопку.

За одну минуту собрали в сумки золото и бриллианты и скрылись на автомашине.

Группа быстрого реагирования прибыла на место происшествия через четыре минуты после получения сигнала, но было уже поздно.

Брошенную, угнанную за два часа до этого, «Волгу» обнаружили на улице Шевченко, всего в полукилометре от места преступления.

Утром 27 июля в кабинете начальника главка генерала

Дроздова проходил экстренный «разбор полетов».

Главные вопросы – почему опоздало сообщение ГУВД на два часа и почему городское управление МВД не приняло своих, параллельных мер по предотвращению нападения, а, как обычно, не приняв звонок за ЧП, спустило его «на землю», по территориальности.

Дроздов прервал объяснения подполковника Серова о том, что ложных сообщений в 02 поступает ежедневно десятки, очевидно, в конце рабочего дня, в конце рабочей недели накопилось множество различной информации и разобраться оперативно не успели.

– Что вы несете?! Какие концы рабочего дня, какие концы рабочей недели?! Нет у вас, у нас никаких концов. Работаем круглосуточно!... Или кто-то думает иначе, – начальник всех присутствующих обвел грозным взглядом. – Серов, у вас какой стаж?

– Двадцать два года.

– А в дежурной части главка?

– Восемь.

– Понятно, привыкли к разгильдяйству, дозируете сообщения по своему усмотрению, по принципу «верю – не верю». Сколько раз мы, прокуратура давали указания – всем сообщениям по 02 давать немедленный ход.

Попытку офицера что-то сказать, пресек задрожавшим от возмущения голосом:

– Никаких ссылок на девочек, мальчиков, диспетчеров,

регистраторов, секретарей, развели, понимаешь, канитель. За подчиненных отвечает руководитель службы. Только так! Отстраняю вас от должности. По результатам служебной проверки примем соответствующее решение... Где аудиозапись...

Дроздов вставил кассету в магнитофон.

Женский голос устало, монотонно произнес:

– Милиция слушает, что случилось...

– Это кто, – генерал остановил воспроизведение.

– Лейтенант Соловьева. Отстранена. Передала мне телефонограмму через сорок минут, – обреченно промолвил Серов.

Дроздов запустил ленту с начала.

– Милиция слушает, что случилось?

Мужской голос явно взрослого, трезвого, спокойного человека:

– Через час будет нападение на ювелирный салон в выставочном центре в гавани Васильевского острова...

– Как вас зовут...

– Бандитов будет трое, в масках, вооружены...

– Назовите свою фамилию, откуда вы звоните...

– Будут жертвы: один убит, другая ранена...

– Откуда вы это знаете заранее, вы – участник?

На этом запись оборвалась.

В кабинете повисла напряженная, звенящая тишина, слышны были слабые помехи в магнитофоне. Генерал вы-

ключил аппарат, вновь окинул каждого тяжелым взглядом, потряс перед собой новостной лентой с телетайпа о происшествии:

– Все совпало, один к одному, а вы, – не глядя на капитана, – почему не среагировали?

– Товарищ генерал, такой звонок похож на фальшивый сигнал о заложенной бомбе. Ведь ни разу не подтвердилось...

– Так и не поняли, капитан, в чем проблема. Во-первых, сообщения о минировании всегда проверяются и немедленно, несмотря на все сомнения. А во-вторых, вы-то передали в райотдел через два часа, через два-а! – с каждым словом Дроздов пресекал малейшие попытки, не то чтобы оправдаться, объяснить хоть что-нибудь. – А информация была и своевременная, и точная. Обратили внимание на детали? Приходится так говорить – убит именно мужчина, а ранена женщина. Как это можно знать заранее и планировать...

Начальник уголовного розыска полковник Парфенов поддержал начальника, но высказал сомнения:

– Источник явно информированный, похож на раскаявшегося соучастника, но не совсем заслуживает доверия...

– Валерий Викторович, до чего же мы заштампованы: «информированный», «не заслуживает доверия»... что конкретно имеете в виду?

– Последствия так детально предвидеть невозможно... даже закоренелые профессионалы не гарантированы от слу-

чайностей...

– Но ведь совпало, – настойчиво повторил генерал.

– Совпадение – неуверенно и не совсем соглашаясь, заметил Парфенов.

После тревожной паузы, начальник главка закончил:

– Любой подобный сигнал, приказываю, немедленно докладывать мне, днем и ночью. У дежурного офицера есть все средства связи со мной. И еще – если этот человек или какой-то другой проявится, я хочу говорить с ним лично, так что выполняйте!

– Товарищ генерал, тут звонок какого-то гражданина. Он говорит, что к вам его направили из 02. Соединить?

– Да, да. – Дроздов включил громкую связь и диктофон.

– С вами будет говорить начальник главного управления генерал Дроздов.

– Спасибо, алло.

– Я слушаю вас.

– У меня важное сообщение, на этот раз, надеюсь, примите меры более оперативно, чтобы избежать жертв.

Спокойный, ровный голос мужчины ударил по нервам генерала. Это он, подумал Анатолий Сергеевич, интересно, откуда звонит.

– Да, это я звонил двадцать шестого. Мне не поверили... результат... знаете.

Сейчас пытаюсь последний раз, сами понимаете, головой стену не пробьешь... А звоню с телефона-автомата, ну это...

как сейчас называется... таксофона на проспекте Просвещения...

– Вы что? Мысли читаете? Как вас зовут, кто вы, почему помогаете нам?

– Вопросов много, а времени мало, – после короткой паузы. – Иван Иванович, остальное не имеет значения, Анатолий Сергеевич. Не удивляйтесь, ваше имя я мог узнать в доступном справочнике... Для меня важно другое, могу ли я вам доверять, не откроете ли на меня охоту...

– Иван Иванович...

– А почему не предупредили меня, что разговор записываете, не тот по служебной связи, а вы лично?

– Все, все выключаю, – генерал тихонько стукнул ручкой по трубке, имитируя щелчок выключения.

– Это несерьезно, детские штучки. Кладу трубку. Больше звонить не буду, да и сегодняшнее ЧП услышите не от меня...

Дроздов испугался по-настоящему. Он понял, что Иван Иванович, или как его там, ценный информатор. Он понял, что игра, какая бы она не была тонкая у него, опытного служаки, здесь не работает. Еще секунда и...

Дежурный офицер, установивший место нахождения таксофона, слышавший весь этот двухминутный разговор, вздрогнул от крика начальника.

– Нет! Не бросайте трубку! Отключаю внутреннюю связь, никакой слежки.

Генерал, затаив дыхание, прислушался – связь с Иваном Ивановичем не прервалась. Отбросив амбиции, забыв о должностном статусе, погасив властные нотки, произнес:

– Мы будем общаться только один на один. Вы же понимаете, Иван Иванович, насколько важна ваша информация... – и облегченно выдохнул, услышав ответ:

– Вот теперь верю... запоминайте... через полтора часа будет нападение на инкассаторов у торгового центра «Волна» на Гражданском проспекте. Учтите, это очень опасная группа. Их будет трое в масках и с автоматами. Четвертый в БМВ на отходе. Алло, вы слышите?

– Все понял, огромное спасибо. Может скажете, откуда вам все это известно... ладно... сегодня понедельник, день тяжелый, – попытался Дроздов смягчить разговор.

– Не теряйте время.

– Иван Иванович, не будем прощаться, а? – с надеждой спросил Дроздов. – Может лучше нам встретиться...

– Только по телефону, – категоричность ответа означала одно – конец контакта.

– Звоните мне также домой и на дачу на случай выходного или позднего часа. В любое время, хоть ночью. Запишите телефоны.

– Я их знаю. Только уточните мне номер прямого служебного телефона...

Генерал посмотрел на часы: до разбойного нападения осталось час и двадцать две минуты. Если все это так, по-

думал он, то времени маловато, но должны успеть. Он все-таки сомневался, слишком фантастически складывались обстоятельства и в телефонном разговоре, а главное, по надвигающемуся тревожному событию.

Дроздов принял решение никого не посвящать в свои планы и не раскрывать источника информации, по своей давней работе опером усвоил это правило, как закон. Вспомнив, чем закончился налет в выставочном комплексе, он преодолел колебания: это будет его личная, персональная ответственность за упущенное время. В конце концов, если ничего не произойдет, банда не появится, пусть это будут учения в реальных условиях.

Командир специального отряда быстрого реагирования понял задачу, проникся особыми условиями ее выполнения – работать на поражение. Детали, изложенные начальником главка, его личное участие в распоряжении операцией, дефицит времени на ее обеспечение – свидетельствовали о том, что это крайне серьезная ситуация.

Командир СОБРа понимал, что придется проявить особую осторожность в оживленном общественном месте и в то же время мгновенную реакцию на применение оружия. Для столь неординарных, не игровых, а реальных условий, на такой случай у него есть опытные специалисты, проверенные в деле и снайперы и группа захвата.

Самое сложное заключалось в скрытом от посторонних ушей и глаз, без шума занять исходные позиции за короткое

время. Надо учитывать, что банда, способная на такую дерзкую акцию, вполне может профессионально ее подготовить, в частности обеспечить на месте разведку непосредственно перед приходом инкассаторов.

Обнаружить разведчика не просто, но, по отработанной методике и практике, возможно. В этом варианте, задача усложняется тем, что нельзя спугнуть исполнителей.

Собровцам удалось за десять минут до прибытия инкассаторской машины по разработанной на ходу схеме подготовиться к пресечению преступления. При этом лиц, причастных к нападению, обнаружить не удалось. В этом был риск – десять минут, даже с учетом специфики и квалификации наблюдателей, способов и средств наблюдения, явно недостаточно. Ну, что ж, командир, допуская по этой причине провал операции, был спокоен: разведчик отменит нападение, а это тоже успех, поскольку особо тяжкое преступление не будет совершено.

Другое дело, что оно может повториться в другое время и в другом месте, когда заранее правоохранителям об этом не будет известно.

Как потом выяснилось, бандиты настолько были уверены в успехе своего плана, что ни о какой подстраховке и не думали.

В 19 часов 34 минуты из торгового центра вышли инкассаторы с банковскими баулами, в сопровождении двух автоматчиков. В этот момент из подъехавшего микроавтобуса

выскочили трое в масках, вооруженные автоматами. Внезапно они упали, выронив оружие. Охранники не успели среагировать – выстрелы не были слышны, а все произошло одномоментно, за три секунды.

Рванувшую было с места «волгу», блокировала, впереди стоявшая оперативная автомашина, из которой, водитель, ожидавший соучастников, был ликвидирован двумя выстрелами. Затем провел несколько брифингов, убедительно выступил в популярной телевизионной программе «Гражданин и закон», чем снизил градус общественного волнения, а, доказав факт ликвидации банды Гаврилова, успокоил свое начальство.

Принцип «все хорошо, что хорошо кончается» и «победителей не судят» сработал на все сто.

Труднее было удовлетворить профессиональное любопытство своих коллег – замов и начальника уголовного розыска. Генерал в душе одобрял жгучий интерес к таинственному источнику информации, сам бы на их месте вел себя также, но, сохранив в себе с первых лет службы до генеральских погон сущность опера, знал, что никогда не раскроет свои секреты.

Его беспокоило другое. Хуже нет ждать неизвестно чего. Иван Иванович

ничего не обещал, но реплика о телефонах обнадеживала. Каждый день в огромном городе что-то происходило: сотни

неизбежных ежедневных происшествий, несчастных случаев, мелких правонарушений, малозначительных и средних преступлений, но также десятки тяжких и особо тяжких.

Реже, эпизодически, а потому и привлекающими общее внимание, совершались насильственные, жуткие по своему цинизму, наглости и жестокости, изощренные по исполнению резонансные преступления.

Все эти переживания, ожидания, волнения, проверки и разборки будут позже, а звонок от Ивана Ивановича раздался неожиданно скоро, через два дня, 7 августа в полдень. Среди шести аппаратов четыре с прямой связью, три из которых с МВД, губернатором и прокурором города с коротким набором номера, а четвертый прямой с общегородским, но исключенным из справочной базы, номером для очень узкого круга лиц.

«Оля», – подумал о жене, снимая на третьем сигнале трубку, Анатолий Сергеевич, но вздрогнул, услышав ровный голос Ивана Ивановича:

– Это я.

– Да, да, Иван Иванович, я ждал звонка. Вчера на Охте... похожее нападение... я думал, может вы... могли сообщить...

– Я не в штате у вас.

– Прошу вас, скажите...

– Записывайте на диктофон. Через два часа в банке «Феникс» будет бандитское нападение...

Иван Иванович монотонно, без каких-либо эмоций, рассказал подробности будущей акции и, на этот раз, какие произойдут последствия операции.

И хотя, Дроздов ожидал информацию, готовил себя к этому контакту, но был потрясен услышанным:

– Как вы узнаете это все, откуда?

– Не думайте, я не соучастник и не получаю данные изнутри.

А ведь именно так и подумал старый оперативник, просто не допуская, по прежнему опыту, других возможностей.

– Можно еще пару вопросов?

– ...

– Почему вы нам помогаете?

– Я помогаю не вам.

– Понимаю... спасибо... не могли бы вы сообщать немного пораньше... за несколько часов... а еще лучше накануне...

– ...

– А когда вы позвоните следующий раз?

В ответ раздались короткие гудки.

На этот раз генерал действовал быстро, но без спешки и нервов, его четкие команды, уверенность воспринимались и исполнялись оперативно.

Все произошло так, как это предсказал Иван Иванович, за исключением одной детали – среди спецназовцев, под видом посетителей банка, были две женщины. Впрочем, когда

Дроздов анализировал ход и результаты операции, он отметил для себя, что Иван Иванович, наверное, знал и это, но почему-то не считал нужным ориентировать генерала на детали плана. И вновь поймал себя на мысли, что уже по ходу разговора с ним он подумал об участии женщин для нейтрализации подозрений у возможного разведчика. Как потом подтвердилось, пособник скинул на пейджер соучастнику условный сигнал об отсутствии препятствий нападению.

В дальнейшем Иван Иванович выходил на связь еще несколько раз и всегда не раньше, чем за два часа и если речь шла о преступлении в выходной день или в ночное время, звонил он начальнику главка, либо домой, либо на дачу.

После разгрома 17 августа и ликвидации организаторов преступных группировок звонки прекратились. Дроздов ждал, в нетерпении хватал трубку при первом же сигнале, но... прошла неделя, вторая и он понял, что-то случилось, контактов не будет.

Конечно, за две августовские недели в городе изменилась обстановка: организованная преступность сошла на нет и это не осталось незамеченным начальством и журналистами. Разумеется, это касалось насильственных, жестоких проявлений, так как именно такие преступления вызывали всегда особый в обществе резонанс.

И если такое случалось, то это, как правило, носило импульсивный, спонтанный характер, являясь непредсказуемыми одиночными эпизодами, в которых жертвы, неред-

ко, провоцировали криминальную ситуацию, вполне, порой, могли оказаться на месте виновного, но по собственной небрежности или легкомыслию стали потерпевшими.

Квалифицированные экономические преступления, профессиональное массовое мошенничество, многоэпизодные групповые хищения, по-прежнему, составляли большую часть уголовных проявлений. Но их-то раскрывать легче – слишком много следов и улик остается от этой преступной деятельности, слишком много пострадавших.

Здесь дело в другом – реагирование правоохранительных структур запаздывает и не успевает пресекать воротничковую преступность на начальном этапе ее проявления.

Начальник главка был разочарован, удручен тем, что Иван Иванович перестал проявлять себя, надеясь, не очень-то оптимистично, что для его сигналов нет поводов.

Он не верил, что относительное спокойствие будет долго продолжаться, он знал, что когда-нибудь снова произойдет эмоциональный взрыв, вызванный очередным, тщательно подготовленным особо жестоким убийством. Лишенный предварительной информации Дроздов обреченно ожидал ежедневных сводок и докладов о происшествиях.

Давно в городе и области не появлялся маньяк и, думал он, когда-то обязательно очередной душегуб откроет свой кровавый отсчет. Вот где, как воздух, нужны поразительные способности Ивана Ивановича, ведь никогда и нигде в мире предвидеть, а значит и пресечь в самом начале серию

убийств, никому не удавалось.

Анатолий Сергеевич так и не пришел к твердому убеждению и выводу – что же здесь было, с кем и с чем он имел дело. Пребывать постоянно в недоумении, носить в себе, как бесконечную тупую зубную боль, мысль о чем-то непознанном, непонятном, не позволяла его деятельная натура и энергетика. Если есть вопросы, надо искать и получить ответы. Этого принципа придерживался всю жизнь.

Прошло два месяца. Генерал смирился с исчезновением Ивана Ивановича, успокоился, перестал судорожно хватать телефонную трубку и пронзительно смотреть в экран пейджера.

Поделиться с кем-то своими переживаниями Дроздов не мог, так как он был бы вынужден раскрыть необъяснимое, загадочное, а это означало бы для других, что он либо лжет, либо верит в какую-то виртуальность и мистику. В любом случае пойдут слухи, что у него что-то не в порядке с головой, мол, поехала крыша и уж тогда точно будет наилучшим вариантом – почетная отставка.

И это все на фоне уникальных достижений в короткой во времени, ударной по эффективности, борьбы с наиболее опасным видом организованной преступности.

Если найти Ивана Ивановича невозможно, так внушил себе Дроздов, то, может быть, он где-то себя проявляет в другом направлении или качестве.

Дроздов связался по селектору с начальником аналитиче-

ского отдела:

– Капитан, зайдите... прямо сейчас.

Тридцатилетний, окончивший филфак и милицейскую академию, Полянский Владимир три года руководил отделом, в который подобрал пять таких же молодых специалистов. Он был единственный аттестованный в звании, остальные – в штате как гражданские эксперты.

В штатской одежде, джинсах и кроссовках, в очках, с бородкой Полянский, несмотря на свою худобу и бледность, оказался крепким трудоголиком, напористым и упрямым.

В первые же дни работы выбил из руководства обещание обеспечить его отделу режим наибольшего благоприятствования, не материального, а технического. Именно у него, у каждого сотрудника были компьютеры, законно конфискованные у контрабандистов и официально переданные в отдел. Именно он, кропотливо, индивидуально, подбирал себе единомышленников с высокой научно-аналитической репутацией, специализирующихся в разных направлениях, но с акцентом в какой-либо одной сфере – социологии, психологии, юридической, физике, химии, медицине.

– Владимир...

– Константинович...

– Володя, ладно? Ты уж не реагируй на старого генерала, что я так попросту обращаюсь... – Полянский неопределенно пожал плечами. – Нужна помощь науки.

Как тогда твои спецы четко вычислили людоеда Горохо-

ва. А как вы доказали, уникальные знания химика Чадова, в результате чего сузились поиски изобретателя новой наркоты. А как... в прочем... вижу, что работа идет и создан, не такой, как в других главках, отдел.

Полянский посмотрел в глаза начальнику и, улыбнувшись, сказал:

– Спасибо, Анатолий Сергеевич, за оценку и понимание того, что мы можем быть полезны на практике. Знаем, что в управлении нас называют философами, непонятно чем заняты, да еще, небось, играют в компьютерах...

– А это мое упущение, надо было на совещаниях довести до сведения эти и другие ваши успехи... поправим обязательно. Но сейчас о другом: нужна, Володя, ваша помощь... как это сказать... как ты относишься к телепатии, а?

– Отношусь как к объективно существующему явлению.

– А как наука?

– Наука признает телепатию.

– Какие есть подробности?

– Если коротко, то диапазон от паранормальности восприятия до физически доказанных материальности мыслительных процессов и высокочастотных излучений мозга человека...

– Володя, я этого не совсем понимаю. Ты скажи проще – телепатия это способность читать чужие мысли или нет?

– Если просто, то да. – Полянский не был удивлен проявленным интересом главного начальника. Такая беседа с ним

в первый раз, но другие руководители главка, не говоря о следователях и оперов, регулярно обращались по различным темам, объясняя необходимостью правильно ставить вопросы при назначении экспертиз. – Ученые доказали, что мысль материальна. Дело в том, что нейроны в нашем мозгу непрерывно испускают положительные и отрицательные заряды, а это уже сигналы для внешнего мира, для других людей. Означает это, что есть у каких-то людей способность принимать и понимать эти сигналы. Они и есть телепаты.

– Более или менее понятно, но как они предвидят?

– Прежде чем что-то сделать, мы с вами думаем об этом, а значит, телепаты узнают о наших действиях, хоть и на доли секунд, но раньше, чем мы это сделаем.

Анатолий Сергеевич прокрутил в голове услышанное. Он для себя с удовлетворением понял главное – история контактов с Иваном Ивановичем, хотя и необычная, но все-таки, имеет, оказывается, даже научное объяснение. Так что зря думал, что он на грани помешательства. А капитан-то дока, с уважением подумал Дроздов.

– Вот что, Владимир Константинович, мне бы надо узнать... есть ли в регионе случаи телепатии. Вы, наверное, считаете мою просьбу странной...

– Да нет, многих интересует необычные явления...

– Вот-вот, – подхватил это генерал, – именно так, что-то необычное, необъяснимое, ну-у такое особенное. Но не криминальное. Этого у нас сколько угодно.

– Как скажете. Мы в отделе мониторим такую информацию, в основном, когда загадка не имеет ответа. Правда это не входит в наши обязанности, это попутное направление в аналитике, но некоторые факты любопытны.

– И много их?

– Да за три года накопилось.

– Покажите мне... за последние полгода... хотя лучше за год...

Дроздов перебрал картотеку, принесенную Полянским, и, вынимая карточки из разных частей стопки, стал читать:

Из протокола дорожно-транспортного происшествия:

10 мая 1996 года в девять часов утра автомашина «ВАЗ 2106» под управлением водителя Скороходова А.Л. следовала по Выборгскому шоссе. На 32-м километре автомашина правым передним колесом попала в глубокую выемку в дорожном полотне. Водитель не справился с управлением, в связи с чем произошла авария: автомашина резко ушла вправо и ударилась в указательный столб.

Трое пассажиров получили легкие телесные повреждения, а Третьяков при ударе о рулевое колесо – переломы трех ребер слева, повреждения средней тяжести.

Вина водителя в аварии отсутствует. Причиной повреждения дороги является низкое качество ремонтных работ, нарушение технологического процесса.

Скороходов работает в дорожно-эксплуатационном

управлении мастером участка. Его бригада выполняла ремонтные работы на том самом участке, на котором произошло это происшествие.

Из уголовного дела 1 – 157 по обвинению Максимова:

17 октября 1995 года на перекрестке Лиговского проспекта и Растанной улицы автомашиной «ВАЗ 21013» под управлением нетрезвого Максимова был сбит пешеход Савельев Павел, который пересекал улицу по зеленому сигналу светофора. В результате наезда потерпевший получил тяжелую черепно-мозговую травму, переломы нескольких ребер грудной клетки, перелом ноги. Стал инвалидом второй группы.

Ранее, в 1991 году, Савельев был судим по части второй статьи 211 Уголовного кодекса РСФСР¹ (нарушение правил безопасности движения, повлекшее причинение тяжких телесных повреждений). Купив новенькую «ладу», «обмыв» ее, с друзьями ехал по Литейному проспекту. На перекрестке с улицей Чайковского сбил пешехода Боброва, который из-за полученных телесных повреждений стал инвалидом второй группы.

Савельев был осужден к пяти годам лишения свободы в колонии-поселении. Освободился досрочно в апреле 1995 году и через полгода стал жертвой дорожно-транспортного происшествия.

¹ События до принятия нового Уголовного кодекса Российской Федерации

Из гражданского дела № 2 – 2375 по иску Рулева к Стасову о возмещении ущерба:

Рулев предъявил иск к Стасову, проживающему над его квартирой, о возмещении вреда, причиненного протечкой горячей воды, на значительную сумму. Суд иск удовлетворил.

При рассмотрении дела из показаний соседей из других квартир выяснилось, что год назад Рулев затопил горячей водой расположенную под ним квартиру Величко и судом с него была взыскана крупная сумма за ремонт и порчу имущества.

Из уголовного дела № 1 – 342 по обвинению Александра:

Инженер по технике безопасности Александров осужден судом по части первой статье 140 Уголовного кодекса (нарушение правил охраны труда) к исправительным работам сроком на один год с удержанием 20% из заработка в доход государства.

Он, как должностное лицо, отвечающее за правила безопасности на заводе «Вымпел», не контролировал соблюдение техники безопасности, не проводил регулярного инструктажа, не потребовал устранения недостатков в электрощите. В связи с этим последовал несчастный случай с мастером Костровым, который получил ожоги второй степени при эксплуатации неисправного электрооборудования.

Из материалов дела установлено, что мастер Костров за два месяца до этого был переведен на эту должность в порядке дисциплинарного взыскания с должности начальника этого же цеха за допуск к источнику повышенной опасности необученного молодого рабочего, получившего электротравму.

Из дела частного обвинения № 1 – 48 по обвинению Савченко:

Караваева возбудила в суде уголовное дело по обвинению соседки Савченко в том, что та подсыпала на кухне в чайник какую-то отраву, в результате чего потерпевшая в течение пяти дней находилась в больнице.

При разбирательстве дела суд признал доказанным, что на почве ссор и личных неприязненных отношений сама Караваева влила в свой чайник химическое вещество, перепутав его с чайником соседки.

Суд оправдал Савченко.

Из материалов прекращенного уголовного дела:

Рабочие ЖЭКа Павлов и Туманов сбрасывали лед с крыши дома, сбивали сосульки с карнизов. Работу выполняли поспешно, так как торопились успеть в магазин до обеденного перерыва.

Когда они выходили из подъезда этого дома, с крыши оборвался большой кусок льда и ударил по голове Павло-

ва. «Скорая» зафиксировала сильное сотрясение головного мозга у пострадавшего.

Из сводки происшествий ГУВД:

Кооператор Савицкий с целью устранить конкурента нанял двух подростков 12 и 13 лет, чтобы они ночью сожгли соседний ларек с товарами.

Ребята ошиблись и подожгли ларек заказчика. Причинен значительный материальный ущерб. Возбуждено уголовное дело против Савицкого за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность. В отношении подростков уголовное дело прекращено, так как они по возрасту не являются субъектами преступления.

Из материала комиссии по делам несовершеннолетних в отношении Юрия Козлова:

Двенадцатилетний подросток Юрий Козлов, ученик 5-го класса, был поставлен на учет в связи с совершением следующего правонарушения. 4 января 1996 года в сквере между досок деревянной горки вставил снизу лезвие перочинного ножа. Катя Сапунова, съезжая с горки, получила глубокий порез стопы ноги.

В материале была приложена справка о том, что 17 января 1996 года в парадной своего дома Юрий пытался верхом скатиться по перилам лестницы со второго этажа на первый, напоролся на отслоившуюся щепку, получив при этом про-

никающую рану в области таза.

Из гражданского дела № 2 – 3189 по иску Прокофьева к НИИ «Стандарт» о восстановлении на работе:

Прокофьев К.С., работавший начальником отдела информатизации, был уволен за нахождение на работе в нетрезвом состоянии. Указанное обстоятельство он отрицает, но факт алкогольного опьянения подтвержден медицинским освидетельствованием и показаниями сотрудников.

В иске о восстановлении на работе ему отказано.

Из протокола судебного заседания видно, что коллеги по работе рассказали, как за полгода до назначения на эту должность Прокофьев К.С. «подловил» бывшего начальника отдела Яковлева Т.Ю., пришедшего на работу с сильным похмельем. Яковлев был вынужден уйти по собственному желанию, поскольку его нетрезвое состояние в рабочее время было очевидным...

Из уголовного дела № 1 – 864 по обвинению Афанасьева по статье 148 Уголовного кодекса (вымогательство, а в народе – рэкет, шантаж):

Нигде не работающий, ранее судимый за хулиганство и грабеж Афанасьев, угрожая убийством членам семьи и уничтожением имущества, систематически получал часть прибыли с таксистов, обслуживающих иностранцев в районе гостиниц в центре города.

В ходе расследования дела привлечены к уголовной ответственности Баскаков и Каргин, которые, узнав о доходе Афанасьева, преодолев его сопротивление, насильственным путем и психологическим давлением заставили его отчислять им половину средств, полученных от таксистов.

Из гражданского дела 2 – 295 по иску Мунтяна к Багдасаряну о взыскании стоимости автомашины:

Приятель Мунтян и Багдасарян купили два лотерейных билета, разделили между собой по одному и записали их номера. Узнав из таблицы тиража о том, что билет Мунтяна выиграл автомашину «жигули», Багдасарян подменил его на свой билет. Выигравший билет положил в нагрудный карман рубашки. Вечером в тот же день жена выстирала его рубашку, и билет оказался непригодным для предъявления в сберкассу.

Мунтян отказался от уголовного преследования приятеля, но настаивал на возмещении материального ущерба. Багдасарян этот иск признал.

– И что? – генерал отдал картотеку Полянскому, – рядовые случаи, таких каждый день сколько угодно, даже в сводку происшествий не попадают. А криминал, я просил не давать... Ну и сколько тут у вас?

– Здесь около сотни, как просили – за год. А вы обратили внимание на одну закономерность – действие, неприятное,

с негативом, возвращается к совершившему его и, как правило, с такой же силой, как говорится по тому же месту, и такими же последствиями.

– Почему же не заметил, совпадение, не более того.

– Сотни совпадений, товарищ генерал, сотни. Это уже статистика. А если бы мы посмотрели не за три года, а за пять, десять, так было бы тысячи... Криминальные я не принес, парочка примеров здесь, это так, для подтверждения взаимосвязи прошлого с настоящим.

– Ладно, капитан, вижу – работа сделана. Меня, все-таки, интересует нечто особенное, не объяснимое. Понимаешь, не полтергейст или призраки, не фокусы... или в отделе необычные случаи не изучаются?

– Такой задачи у нас нет, но, я докладывал, что фиксируем такую информацию. Могу ознакомить. – И увидев, что Дроздов согласно кивнул, Полянский достал из папки блокнот. – Картотеку не заводили, – пояснил он. – А что в этом анализировать...

– Говори, я слушаю...

– Стоял джип на Фонтанке. Двигатель заглушен, никого в машине не было. Внезапно он дважды мигнул боковыми, хрюкнул два раза, а затем сам завелся и в проем ремонтируемого парапета нырнул в реку. Владелец Ципко пояснил, что на сигнализацию не ставил, но поставил машину на ручник. При осмотре зафиксировано, что автомашина так и оставалась на ручном тормозе.

Похожий случай, только с тяжелыми последствиями произошел на поле совхоза «Север» в Выборгском районе. Тракторист Смирнов в полдень, прилег в тени своего трактора передохнуть от жары. Неожиданно, трактор завелся и дал задний ход, раздавив ему обе ноги. Смирнов потом рассказал, поле совершенно ровное, заднюю передачу на стоянке при выключенном двигателе он никогда не ставит.

После окончания дачного сезона, Айрат Гусейнов подрядился очистить от листвы один из участков в садоводстве «Лесное» Всеволожского района. В беседке, куда зашел отдохнуть, он упал и находился в коме двое суток, пока его не обнаружили хозяева, вызвавшие «скорую помощь». Как только прибыли врачи рабочий очнулся. Медики не обнаружили у него никакой патологии. Он даже не простудился, хотя две ночи были холодными.

Известный случай – пьяный мужчина залез на памятник в центре Петербурга и был убит молнией, сверкнувшей из совершенно не грозового и единственного облачка.

В торговом центре «Западный» женщина потеряла мужа. На сообщение по радио и на пейджер он не откликнулся. К стоявшей на парковке автомашине не пришел. Шума, скандала, драки внутри центра и на площади перед ним не было. После закрытия обследовали все помещения, в том числе подвалы. Мужчина исчез бесследно. Его не нашли до сих пор, хотя прошло уже четыре месяца.

В казино «Удача» неизвестная женщина в игровых авто-

матах с первого же «спина» выигрывала джекпот – три семерки. Когда это произошло в пятый раз, все игровые автоматы были отключены, а работа казино приостановлена. Женщина, собрав в рюкзачек кучи выпавших двухрублевых монет, успела выйти и скрыться. Все это зафиксировали камеры наблюдения.

В банковской ячейке Лубенина хранила уникальное кольцо с бриллиантом, доставшееся ей по наследству от бабушки. Через неделю она обнаружила пропажу артефакта. Без ее ключа открыть ящик невозможно. На видеокамере, работавшей круглосуточно, непрерывно отражено, как Лубенина положила кольцо на хранение, а когда пришла за ним ячейка оказалась пуста, никто ячейку не вскрывал. Экспертиза подтвердила, что видеозапись не подвергалась каким-либо изменениям.

– Вот это почти все любопытно, – прервал Анатолий Сергеевич капитана. – Действительно, в каждом эпизоде есть что-то не объяснимое... хотя в жизни всякое случается, а потом вдруг многое просто...

– Извините, что перебиваю. Для полноты впечатлений еще несколько эпизодов.

Пятого января этого года около семи часов вечера Мурашова Татьяна шла по проспекту Просвещения. У дома номер 19 навстречу ей шел мужчина. Когда они разошлись, она услышала как этот человек окликнул ее по имени. Она остановилась и оглянулась. В этот момент в метре от нее упала с

крыши огромная сосулька. Если бы она сделала бы два шага, лед попал бы ей прямо по голове.

– Это мистика какая-то, как стало известно про этот случай? Женщина и мужчина знакомы?

– На пятом канале она рассказала об этом происшествии журналистке. В том-то и дело, что она, говорила, не знает этого мужчину, а он назвал ее имя. Сомнение есть, но льдина-то, действительно была, есть фотография. – Полянский показал снимок.

Дроздов посмотрел, перевернул и спросил:

– Написано дата и адрес, чья это рука?

– Журналистки Кириченко, мы у нее попросили. Какая куча осколков льда, с пятиэтажного дома сосулька сорвалась. На вид килограмм десять, такая по голове – убила бы на месте.

– Женщина видела его?

– Видела, но... ничего конкретно описать не может, темно уже было и он быстро ушел. Одет во что-то темное, лицо вроде бы разглядела, не молодой и не старый, сказала. Не успела сказать спасибо... да и шокирована была... понятное дело.

– Может придумала все, – скептически произнес он, но снимок положил перед собой. – А что-нибудь еще, более убедительное имеется?

Капитан достал из папки видеокассету:

– Вот запись программы нашего местного второго канала.

Дроздов включил видеомэгнитофон:

– Хроника происшествий. Сегодня в 11 часов 25 минут на углу Загородного проспекта и Разъезжей улицы иномарка врезалась в дом. За мгновение до аварии неизвестный мужчина остановил за руку, идущую по тротуару в этом месте, девушку. Если бы не он, машина размазала бы девушку по стене. Как оказалось, за рулем была девушка. Она пояснила, что выполняя поворот, вместо тормоза нажала на педаль газа. Вот запись с камеры наблюдения, установленной на соседнем доме.

– Какая реакция у мужика, – удивился Дроздов. – Ведь машина была у него за спиной, он не видел ее, не было визга тормозов, как он смог за долю секунды предвидеть опасность? И по записи видно, что это немолодой мужчина ... – Это уже кое-что, – возбужденно показал пальцем на экран, – исчез он, угадал?

– Точно так, спаситель не установлен. Увеличенное изображение лица было показано в новостях, но никто не откликнулся.

– Когда это произошло?

– 17 мая, в день передачи.

– Надо бы показать той женщине с сосулькой...

– Мурашовой, – подсказал Полянский.

– Да, Мурашовой, хотя шансов опознания мало, полгода прошло. Но все же вызовите ее ко мне... Больше у вас ничего для меня нет?

После небольшой паузы Полянский сказал:

– Товарищ генерал, не думаю, что это заслуживает внимания, уж слишком фантастически выглядит та информация, которая дошла до нас. Это то, что в народе обрастает домыслами и мифами. Мы даже не вникали особенно...

– Ну-ка, ну-ка, заинтриговал, – возбужденно перебил Дроздов, – говори, потом разберемся.

– Я по записям в досье. В конце сентября прошлого года некто Субботин организовал в садоводстве «Восход» ремонт дорог. Обычное дело, но особенность в том, что сделал эту работу за немыслимо короткое время. Слухи об этом расползлись по всему Карельскому перешейку. Как нам потом удалось узнать, он покрыл то ли битумом, то ли бетоном в общей сложности три километра дорог за два дня.

– А что тут сложного, наши работяги если захотят горы своротят...

– В том-то и парадокс, что сделал в одиночку и без какой-либо техники.

– Это как! – изумленно спросил Дроздов.

– Никто не может объяснить. На вторую ночь кто-то пытался посмотреть процесс...

– Он, того, – начальник главка покрутил пальцем у виска, – работал по ночам...

– ...но не помнят того, что видели, – продолжил капитан, – одно точно – техники никакой не было. Субботин получил оплату, кстати, довольно скромную, с учетом выпол-

ненной работы, сумму и пропал. Вся эта история возбудила садоводов, заказы посыпались десятками в день... но найти его не получилось.

– Я ничего не понял, – покачал головой Дроздов. – Кто-то в частном порядке договаривается, кто-то авантюрно подряжается, никто ничего не знает и... концы в воду... так что ли? УБЭП проверял?

– В возбуждении уголовного дела отказано: работа выполнена, оплату одобрило собрание садоводов. У руководства «Восхода» были неприятности... в общем ограничились административной ответственностью.

– А этот, как его... Субботин, его же видели, почему не установили личность... откуда известна его фамилия...

– По водительскому удостоверению...

– Тем более. Есть машина – нет проблем раскрутить все о владельце.

– Анатолий Сергеевич, к сожалению, ни Субботин, ни его «шестерка» нигде не зарегистрированы, в базе данных по Северо-Западу данных нет.

– А на розыск, а на федеральном уровне...

– А основания? – возразил Полянский. – Никакого состава преступления нет.

– Ладно, – подумав, согласился генерал. – У вас все?

– Да не знаю, стоит ли вашего внимания курьезная спортивная ситуация, – неуверенно сказал капитан.

– Спортивная? – удивился Дроздов – Что-то новенькое,

не припомню особого криминала в спорте...

– Так вы мне и поручили доложить не криминальные дела, а происшествия, не поддающиеся разумному объяснению.

– Правильно сказали – именно нечто, из ряда вон выходящее. Говорите.

– Футбольная тема. Не наши вопросы, но в отделе есть болельщик Сергей Трофимов. Он и рассказал нам. В высшей лиге у нас есть только одна команда. Согласитесь, для огромного города – это нонсенс. В первой лиге среди двадцати двух команд есть наша команда мастеров «Петроградец». Он там кувыркается несколько лет, но никак не может подняться. Только тройка призеров может перейти в высшую, а он выше десятого места ни разу не занял: шансов было мало – половина игроков – это ветераны из высшей лиги, а другая – неопытная местная молодежь, старший тренер, в прошлом известный футболист, исправить положение не может. Слишком слабая материальная и техническая база. Усилить команду классными игроками не удастся. Все внимание в городе уделяется только первой и единственной команде, по принципу «один город, одна команда».

Первую половину первого круга «Петроградец», как и всегда, болтался внизу таблицы, играя без амбиций, лишь бы не вылететь.

И вдруг, начиная с десятого тура, он стал одерживать победы одну за другой над любым соперником, дома и на выезде. Сейчас, за пять игр до финиша, он возглавил турнирную

таблицу и, независимо от исхода оставшихся игр, обеспечил место в тройке, то есть гарантированный переход в высшую лигу в следующем году.

Это не просто сенсация, это феноменальное достижение – ни одна команда, даже самые титулованные, никогда в истории чемпионатов в нашем футболе не добивалась такой непрерывной выигрышной серии.

Дроздов, молча, слушал монолог капитана, на его лице менялось выражение гаммы чувств: от безразличия и некоторого интереса до удивления, недоумения и восхищения. Генерал не смог сдержаться и воскликнул:

– Вот это да! – и, затем, не так уж эмоционально, сказал: – Я болельщик так себе, но понимаю, что чудес не бывает. Первое, что приходит в голову – состав радикально поменяли или тренера?

– Ни то, ни другое. Появился всего лишь один новый нападающий. Он – то и стал в каждом матче забивать голы.

– Вот этого я точно не пойму, неужели такого игрока не заметили раньше и не забрали москвичи?

– Сергея мы тоже об этом спрашивали, так он как раз не был удивлен, уж больно неказист этот футболист – дяденька в возрасте, даже с сединой, никто его раньше в большом спорте не замечал. Может достаточно...

– Нет, нет, Володя, продолжайте.

– Товарищ генерал, лучше бы послушать первоисточника, вызовите, пожалуйста, Трофимова.

В кабинет вошел парень, такой же, как Полянский, высокий, бледнолицый, с бородкой, в очках, парень, в пуловере и кроссовках.

Они, что все такие в отделе, подумал Дроздов, или это такой свободный стиль гражданских кадров, и с укоризной спросил Полянского:

– Капитан, а вы-то почему на работе не в форме?

– Не успел надеть, вызов был экстренным.

Интеллектуал, одобрительно подумал начальник, все сказали бы «одеть», а он правильно сказал, но упрекнул:

– В армии, как я помню, норматив на это был сорок секунд... успевали...

Капитан промолчал, но видно было, что не согласен он, не в армии, мол, мы служим.

– Трофимов, начальник ваш в основном рассказал о «Петроградце», вы, как нам доложили, все видели своими глазами. Какие детали, подробности?

– Чтобы не повторяться, на чем остановились?

Дроздов повторил то, что услышал от Полянского.

– Понял. Дальше все обострилось: народ возбудился, забурлил. Ведомственный стадион не вмещал всех желающих посмотреть такой великолепный футбол. Изучив заявки болельщиков, власти перенесли матчи «Петроградца» на «Динамо», а несколько последних игр – на Кировский стадион. И вы знаете, трудно в это поверить, на второстепенную команду пришло народа под завязку, а это между прочим семь-

десять тысяч. Такой ажиотаж надо видеть. Я не пропустил ни одной игры в Питере во втором круге.

– Болельщики, – восторженно продолжал Сергей, – толпой рванули на стадион ради этого мастера, как в театр посмотреть на уникального актера, или в цирк на супер фокусника. Выходил он на поле за пять-десять минут до конца матча. Команда изо всех сил старалась держать ничейный счет, уходила в глухую оборону. И ей это удавалось, иногда ближе к финальному свистку пропускали один гол, не более того.

Выходящий на замену тринадцатый номер, забивал либо один, либо два мяча, в зависимости от ситуации, достигая необходимого победного результата. Такая яркая концовка настолько взрывала соскучившихся по настоящему футболу, по сенсациям, болельщиков, мечтавших увидеть такое, что весь стадион вскакивал в едином порыве и восторженный рев сотрясал переполненные трибуны.

– Но как он это делал, – Трофимов захлебывался от восхищения, – нападающий сверхскоростной, стартовая скорость в расчете на стометровку выше мирового рекорда – мы это определили по видеозаписи, тут и без спецов обошлись. Он предугадывал все движения соперников и на квадратном метре финтами запутывал любого, а то и двух. Мячом владел виртуозно, мог на скорости вести мяч, жонглируя головой, на десять-пятнадцать метров. Иногда, наклоняясь вперед, наносил сильнейший удар подошвой бутсы по мячу точно в створ ворот. Предугадать траекторию мяча невозможно,

так как мяч, как будто послан катапультой из-за укрытия. Он передвигался короткими шажками, но ноги мелькали, как спицы в колесе. Силовые приемы против него не работали, игроки пролетали мимо, либо отлетали как от стены, а если удавалось групповым способом завалить, что случалось крайне редко и только в штрафной, то он же реализовывал пенальти без промаха. Я, может, ошибаюсь, но похоже на то, что он за мгновение до совершения предвидел какой и куда последует пас или удар по мячу хоть своим игроком, хоть соперником, поэтому мощным рывком перехватывал мяч и отнять у него уже не удавалось...

– Как такое возможно, ведь мне говорили, – кивнул на капитана, – что это седой мужчина, а не молодой парень. Это невероятно, в это трудно поверить!

– И тем не менее, это факт. В футболе бывает всякое. Известны пожилые спортсмены, которым за пятьдесят и они добивались успехов. Так было в Венесуэле, Японии, в Бразилии само собой. Наиболее известный случай – это английский футболист нападающий Стенли Мэтьюз, завершивший карьеру в пятьдесят лет, удостоенный королевой рыцарского титула.

– Какой он? Вы его видели...

– Видеть не то слово, я записал на видеокамеру три последних раза, запись всего пятнадцать минут...

– Так чего же не принесли?

– Разве я знал, зачем вызываете? – довольно-таки дерзко

вопросом на вопрос заметил Трофимов.

– Несите по-быстрому, – с нетерпением приказал Дроздов.

Все трое прикинули к экрану телевизора, к которому Сергей подсоединил видеокамеру. Великолепная цветная картинка, гул стадиона, столкновения игроков, свистки судьи усиливали нервозность ожидания.

– Где, где он, – возбужденный генерал даже не заметил, что локтем толкает Сергея.

– Сейчас, сейчас. Осталось до конца матча шесть минут. Счет ноль-ноль, значит выйдет через минуту.

Ровный гул на трибунах, как по команде, скандировался в рев – «ван-ва-ныч! ван-ва-ныч!! ван-ва-ныч!!!»

Голос диктора: – В команде «Петроградец» произведена замена. Вместо Анатолия Кравцова номер одиннадцатый выходит Ива-а-а-а-н – трибуны взревели, скандируя, – Субботин!!! – Субботин!!! – подхватил диктор – номер тринадцатый!!!

Новый игрок рванулся на поле и тут же получил от своих мяч. А дальше... словами описать увиденное невозможно. Фейерверк движений, борьбы, падений соперников, калейдоскоп финтов, обманных рывков, жонглирование мячом, мгновенная, неуловимая для взгляда обводка и ...непостижимый по красоте гол – Субботин, стоя спиной к воротам, на линии штрафной, подбросил мяч и ударил через себя... Что творилось на стадионе!...

Запись закончилась.

Начальник главка, пораженный зрелищем, не сразу перевел дух:

– Ну... это... это... – и, успокоившись, – еще раз посмотреть героя. Там был момент, крупный план, когда он стоял у бровки поля перед выходом.

Седоватый бобрик, не мускулист, даже угадывается небольшая полнота, тонкие острые в коленях ноги, длинные трусы, а главное, возраст явно за сорок – все это производило удручающее впечатление.

– Как вот такой... как он это делает, – изумленно, глядя в экран, произнес Дроздов.

– Да вот так. Сами же видели. Народ-то в восторге, как говорится, мал золотник... а какая сила и ловкость! – Трофимов, выключил изображение.

– Что это такое, выбегает мужик на пять минут, хохма какая-то. Он что не может это же сделать с начала матча или в середине?

– Этот вопрос был у всех. Журналисты пытались узнать: что и как, но игроки ничего объяснить не могли, а главный тренер бубнил одно – «без комментариев». И только сейчас признался, что такой режим замены был жестким условием самого Субботина.

– Пять минут на один гол, десять на два, это что лимит какой-то?

– На этот вопрос нет ответа, – сказал Трофимов, пожимая

плечами, – может лимит, установка, а может заряжен был на выброс энергии...

– Что значит заряжен, кем заряжен! – воскликнул генерал, – Намекаете на допинг?

– Разумеется его проверяли, – спокойно пояснил Трофимов, – все чисто и заметил:

– А дальше будет еще больше вопросов. Это последняя запись. Потом было две игры, но Субботин на поле не вышел. Команда сникла, игра потускнела. Болельщики с надеждой и по инерции приходили на стадион, но триумфа больше не было.

Полянский неуверенно заметил:

– Ты вроде говорил, что итог в этой лиге предрешен, может поэтому Субботин пока и не нужен.

– Верно, переход в высшую обеспечен, но начались проблемы. Конкуренты обратились к руководству Российского футбольного союза. Началась проверка, всплыли какие-то шероховатости в процедуре включения игрока в состав.

– Ну все, поехали, как всегда, – проворчал генерал, – компромат у нас найти умеют.

– Согласен, – продолжил Трофимов, – но все очень не просто. Например, объяснениям главного тренера и игроков не поверили. Они рассказывали, как нашли такого гениального футболиста. На одной из тренировок среди малочисленных зрителей сидел Субботин. К нему отлетел мяч. Кто-то крикнул – «Дядя, отбрось мячик!». Он ногой подвел мяч

к полю и предложил отнять... а потом все было как по сценарию – так же как мы видели в видеозаписи. Но главное не в случайности находки, а в загадочном исчезновении. Претензии по личности Субботина. Естественно его все стали искать, а оказалось, что его нигде нет, нет такого человека. Фантом какой-то.

– Как это нет, – возразил Дроздов, – и не таких находили.

– Резонансное дело, убойный отдел взялся раскрутить... там у коллег мы и получили неофициальную информацию о ходе проверки. – Сергей с некоторой опаской ожидал реакции начальника – не поддаст ли за эту самодеятельность, но генерал спокойно спросил о другом:

– А что решило футбольное начальство?

– Решения пока нет, но напряжение нарастает. Перспектива ужасная – если в команде неизвестный никому игрок, то финал однозначный – снятие с чемпионата, дисквалификация на сезон, а то и на три. Может и другой вариант, но не намного легче – технические поражения во всех играх с участием Субботина, а это по очкам вылет во вторую лигу.

– Капитан, покажите еще раз ту запись, как девушка едва не была сбита машиной.– Смотрите, одно лицо с футболистом! – воскликнул генерал.

– Точно так, Субботин это, – подтвердил Трофимов.

В который раз Дроздов услышал фамилию, но только сейчас внутри что-то щелкнуло – «Субботин, Субботин...» и ахнул про себя – «Ван Ваныч, это же – Иван Иванович! И

пропал примерно тогда же, когда прекратились у него контакты». В голове промелькнуло – «банды и футбол... несоместимо как-то... может совпадение этих Иванов...».

По тому, как проницательно смотрели ему в лицо Полянский и Трофимов, Дроздов

понял, что потерял над собой контроль и его лихорадочные мысли выдали внутреннее

смятение.

– Вот что, парни, – генеральский голос вновь стал твердым, – соберите у меня здесь, в кабинете послезавтра в 15 часов всех, кто видел в лицо того неизвестного мужчину при необычных обстоятельствах: из садоводства с этими дорогами, женщину, чуть не попавшую под машину. Хотя ее не надо по записям и так ясно. А вот, что надо еще – найдите гаишника, мне как-то давно начальник ГИБДД рассказывал, как анекдот, эпизод с водителем – антирадаром... ограничимся пока этим. – И, почувствовав в наступившей тишине вопрос, тоном, не допускающим возражений, сказал: – По футбольному делу никого не звать, у нас этого, – кивнул на кассету, – достаточно. И еще, никому о мероприятии ни слова, ни в вашем отделе, ни в Управлении. Это приказ!

Нашли лейтенанта ГАИ Комарова без проблем. Он и бывшая председатель садоводства Дубцова, посмотрев видеозаписи, без колебаний опознали Субботина.

Теперь, зная кого надо искать, начальник главка подключил все возможности

розыска. Были установлены и негласно проверены все од-
нофамильцы, но ни один не

был тем, кто так был ему нужен.

– ...Алло, – сняла трубку Назарова и услышала:

– Мама Люба...

– Ванечка!– закричала она и разрыдалась, – Ты... где...
откуда звонишь...

– От метро... иду домой...

– Сынок... как же так... ты куда пропал... с тобой все в
порядке?!

– Все нормально...

– Никуда не уходи, сейчас приеду.

Поймав такси, Любовь Степановна примчалась через два-
дцать минут. Она обняла парня и не отпускала, пока не по-
верила своему счастью и успокоилась, увидев его таким же
как и год тому назад: здоровый, красивый, ласковый, опрят-
ный, в той же одежде. Разве что – новая шапочка, бейсболка,
которую не успел снять.

На все вопросы, которыми она буквально закидала Ваню,
он отвечал – не знаю, не помню. Назарова испугалась его со-
стояния, но, глядя в родные, чистые, голубые глаза, сердцем
поняла – сын, действительно, ничего не знает о пролетевшем
для него и протянувшемся для нее времени.

– Завтра сходим в военкомат. Они год тебя разыскивали.
Меня задержали, мол, скрываю тебя от армии. Сходим?

Ваня согласно кивнул.

Сняв с него бейсболку, Любовь Степановна погладила по волосам, и, посмотрев на изображение, достала из сумки маленькую шапочку:

– Ванечка, это твоя. В ней тебя привезли к нам в детский дом. Ношу все время с собой, как талисман. Верила, что поможет найти тебя, мой дорогой.

– Я ее никогда не видел... не помню...

– Так ведь и не мог. Я положила ее в шкаф, а когда меняли мебель, обнаружили ее между ящиком и стенкой шкафа. Как это получилось, ума не приложу, сама, бестолковая, сдвинула, наверное. Так и пролежала там пятнадцать лет. А как я искала-то ее. Ведь думала, не увижу тебя больше, – слезы снова залили ее лицо.

Ваня обнял ее и она затихла, подавляя судорожное дыхание.

– У меня остались как память эта шапочка и три те картины... Посмотри изображение на бейсболках одинаковое. Я когда нашла эту, детскую пыталась узнать, что за рисунок, чтобы найти фирму и, может быть, как-то найти твоих родителей. С кем только не консультировалась никто не смог объяснить, что это такое. Какие-то полукруги, ломаные спирали, ни одной буквы, иероглифа, цвет, как сказали специалисты, в разброс, никакой гармонии, хаотичное переплетение линий.

Ваня взял бейсболки, внимательно и долго смотрел на одну, на другую, закрыл глаза, словно запоминая изображения.

Любовь Степановна заврожено наблюдала, ожидая его реакции и даже ей показалось, что он едва заметно вздрогнул, но... разочарованно вздохнула, когда он открыл глаза, пожал плечами и положил бейсболки на стол.

– Как я тебя искала, – запричитала она, – что только не думала, самое плохое, а ты вот жив – здоров. Ну хоть бы написал, позвонил... не буду, не буду, – осеклась Назарова, увидев недоуменный, укоризненный взгляд Ивана.

Они долго сидели, молча, обнявшись, безмерно счастливые...

Москва. 20...год

Телеканал «Культура»: – В Москве в Центральном выставочном зале открывается выставка восьмидесяти картин молодого художника из Санкт-Петербурга, члена Союза художников России Ивана Субботина.

Мститель

По городу, на лету обрастая жуткими подробностями, неслись слухи. Среди владельцев собак нарастала паника. Теперь, выводя гулять своих питомцев, они не отпускали их далеко от себя и со страхом поглядывали по сторонам. В городе появился маньяк, убивающий породистых собак. Серийность этих преступлений обескураживала, их методичность пугала.²

Мрачная статистика жертв собачьего киллера поражала воображение. Беззащитные животные погибали с фатальной регулярностью. Внезапность и разнообразие способов умерщвления, отдаленность друг от друга районов, в которых совершались преступления, позволяли предполагать, что это не взбесившийся одиночка, а группа профессионалов, преследующих не очень понятную цель.

Все началось в сентябре, когда горожане заканчивали летний сезон и возвращались с дач в каменные клетки своих квартир. Осень баловала недождливым теплом. Еще не опавшие, озаренные низким солнцем листья радовали глаз своим многоцветьем.

Гибель собак стала самой актуальной темой в сводке го-

² События середины 90-х.

родских новостей, отодвинув на второй план предвыборную вакханалию. Даже убийство известного бизнесмена не отвлекло внимание обывателей, каждый вечер ожидающих у телевизора сообщений об уничтожении очередного четвероногого любимца.

В популярных телепрограммах ежедневно крутили кадры с мест происшествий, где лежали еще не остывшие собачьи трупы, а хозяева собак металась рядом, взывая о помощи. Заплаканные женские лица чередовались с искаженными от ярости лицами мужчин, по беззвучно шевелящимся губам, которых легко читались проклятия и ругательства.

Напряженность в городе достигла критической точки. Заявление общества защиты животных, открытое письмо от клубов собаководства, выступления милицейского начальства, пикеты у здания администрации Петербурга и, наконец, появление информации на НТВ и РТР в программах «Сегоднячко» и «Криминал» вынудили выступить по телевидению губернатора Петербурга.

Однако через день в газетах и теленовостях появилось сообщение о том, что на Моховой улице расстрелян ротвейлер по кличке Перун.

– Итак, загублено десять собачьих душ, – сообщила невозмутимая теледива с холодными глазами. Обрисовав ситуацию и сдобрив ее сентенциями о бессилии властей, она потребовала либо немедленной реакции милиции на случившееся, либо отставки тех, кто не может или не хочет навести

порядок.

В вечерних новостях в прямом эфире начальник следственного управления Главка сказал, что по всем эпизодам возбуждены уголовные дела, но пока нельзя утверждать, что все случаи связаны между собой. Это заявление вызвало скептическую усмешку журналиста и десятки звонков возмущенных телезрителей. Ничуть не смутившись, начальник следственного управления пообещал принять все необходимые меры и просил прессу не нагнетать обстановку и не давить на следствие. Не реагируя на журналиста, пытавшегося комментировать его речь, полковник заверил, что в скором времени преступники будут пойманы и сурово наказаны, и призвал всех к спокойствию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.